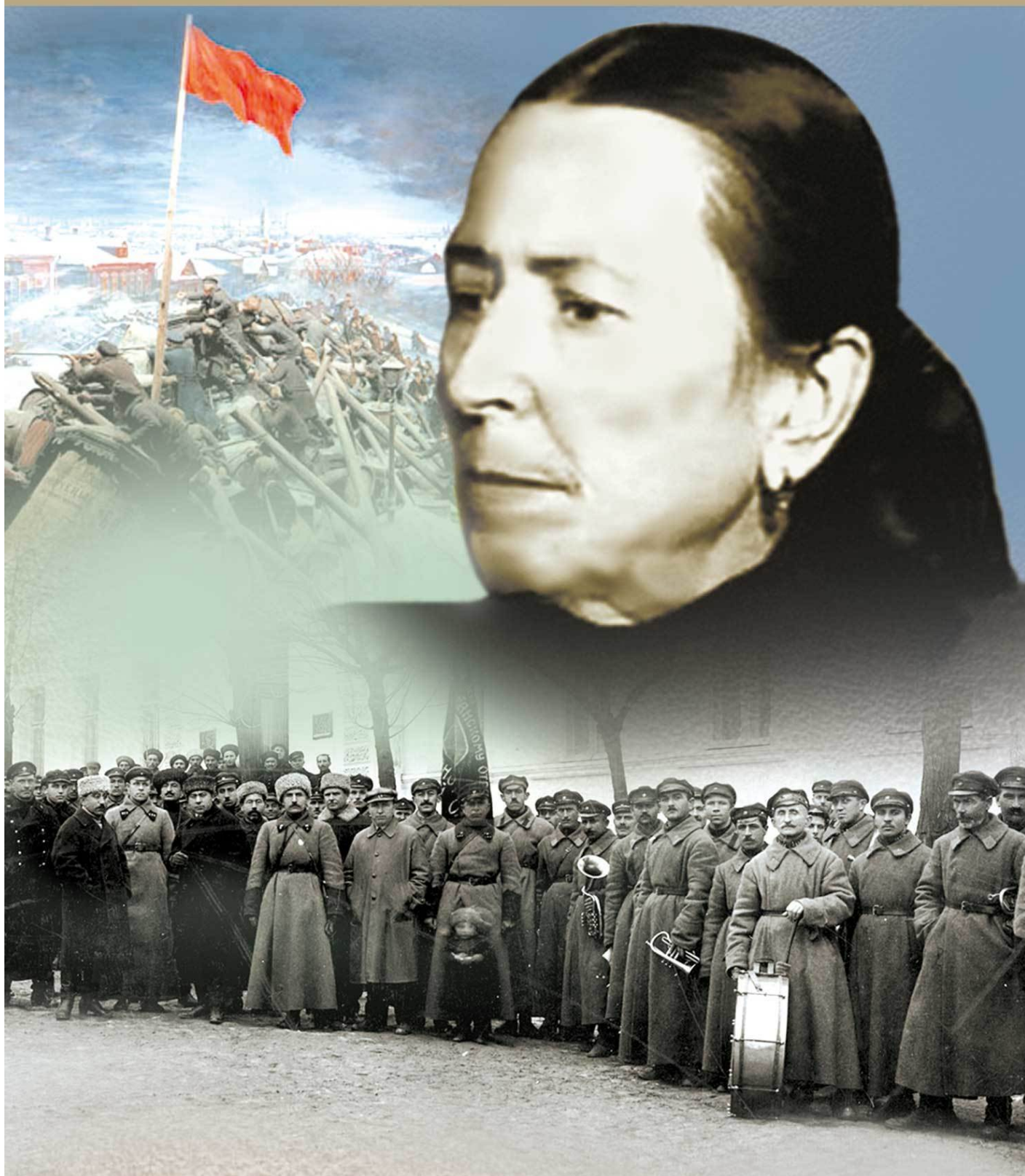

Мария и Георгиевна

ЗВЕНЕЛ БУЛАТ

Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том

Мариам Ибрагимова

Звенел булат

ТД "Белый город"

1972

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84 (Рос-Лак) 7

Ибрагимова М. И.

Звенел булат / М. И. Ибрагимова — ТД "Белый город",
1972 — (Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах.
Том)

ISBN 978-5-906727-01-5

Революция и Гражданская война – исторический фон, на котором в романе разворачиваются события жизни горцев Дагестана в трудный период ломки старого строя и формирования нового. Повесть «Звенел булат» вызовет немалый интерес читателей, так как в ней впервые реабилитируются многие известные и забытые имена людей, сыгравших значительную роль в истории Дагестана начала XX века. Привлечённые редкие архивные материалы и кропотливые разыскания дополняют биографии персонажей книги уникальными фактами и сообщают достоверные сведения об их жизни и деятельности. Автор не ограничилась лишь работой в архивах, многие сведения, сюжеты взяты из жизни, основаны на общении с живыми представителями некогда знатных горских кланов или просто интеллигентных семей. Доскональное изучение реалий времени сделало книгу подлинно художественным документом эпохи.

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84 (Рос-Лак) 7

ISBN 978-5-906727-01-5

© Ибрагимова М. И., 1972
© ТД "Белый город", 1972

Содержание

В контексте времени	6
Звенел булат	19
Глава первая	19
Глава вторая	36
Глава третья	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мариам Ибрагимова

Звенел булат: документально- историческая повесть

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 5

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

В контексте времени О повести «Звенел булат»

*Зулейха Магомедова,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы
Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской ака-
демии наук*

Именно в 70-е годы перед исторической прозой возникла проблема достоверности в новом, обострённом варианте. Одно за другим в свет выходят произведения, получившие широкий отклик в прессе и огромный интерес у читательской аудитории. В 1979 году был опубликован роман Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа», ранее, в 1976–1978 годах, выходит в свет роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов», а позже, в 1985 году, его же «Свидание с Бонапартом».

Нельзя не отметить относящееся к этому же периоду оригинальное произведение Н. Эйдельмана «Большой Жанно», целиком построенное на записках декабриста И.И. Пущина.

Эти произведения стали явлением в литературе и явились определённым стимулятором в развитии исторической темы в литературах национальных регионов.

В этот же период наблюдается обращение писателей Северного Кавказа к своему историческому прошлому. Раньше их усилия были направлены главным образом на воссоздание эпоса революции, социалистического строительства, Великой Отечественной войны, то есть ограничивались кругом проблем, которые были связаны с историей советского общества. Лишь в последние два предперестроечных десятилетия в национальных литературах наблюдается попытка осмысления собственной истории на новом фоне, в контексте всеобщей истории.

Основной темой исторической литературы стали события, связанные с Русско-кавказской войной, с художественным воссозданием биографии выдающихся исторических личностей. В ряду такой литературы стоят романы М. Мамакаева «Зелимхан», А. Шортанова «Горцы», Б.Тхайсучова «Горсть земли», Б. Шинкубы «Последний из ушедших», И. Машбаша «Раскаты далёкого грома», Т. Адыгова «Щит Тибарда», М. Эльберда «Труден путь на Ошхамах», К. Джегутанова «Золотой крест», М. Ибрагимовой «Имам Шамиль» и другие.

В Дагестане историческая тема была богато представлена в многочисленных документах и летописях. Имеется огромное количество исторических разработок по этой теме. Кроме того, кавказоведческая литература располагает солидным количеством литературных произведений, созданных русскими и зарубежными авторами. Что касается исторической прозы как таковой, то этот род литературы имеет в Дагестане если не богатую, то достаточно прочную и давнюю, хотя и не развитую вширь традицию.

Следует отметить, что историческая тема всегда занимала определённую нишу и в художественной литературе народов Дагестана. Традиция была заложена романом Ибрагимова «Аманхор», написанным ещё в дореволюционный период. Затем историческая тема разрабатывалась в произведениях А. Тахо-Годи «Уллубий Буйнакский», Р. Динмагомаева «Герои в шубах», Ю. Гереева «Весна, пришедшая с Севера», А. Аджаматова «Я горжусь», где объектом отображения стали события революции и Гражданской войны.

Первый дагестанский исторический роман «Сулак – свидетель» был создан М. Хуршиловым в 1943–1945 годах на русском языке. Здесь нашла продолжение и развитие традиция советской исторической прозы, включая очерки, рассказы, повести предыдущих авторов.

Значительное место в национальной исторической литературе занимают произведения историко-биографического характера, где личность главного героя становится основным сюже-

тообразующим элементом. В этом ряду стоят романы и повести И. Керимова «Махач», А. Абу-Бакара «Чрезвычайный комиссар», «Манана», М.-С. Яхьяева «Три солнца».

Следует отметить и произведения, в которых сочетается эпический размах политических событий, отражённый сквозь призму восприятия определённых литературных героев. Такими являются «Звенел булат» М. Ибрагимовой, трилогия М.-С. Яхьяева «Горы – свидетели», роман-эпопея М. Сулиманова «Хунзахская крепость». Сюда же можно отнести и такие произведения, как «Гром над горами» М. Магомедова, «Огонь в крови» А. Мудунова, «Возмездие» Х. Авшалумова.

Здесь не могут не возникнуть дискуссионные вопросы. Одним из них является вопрос о границе между чисто историческим и историко-революционным повествованием. Не остаётся ли историческому роману седая древность, а историко-революционному – XX век? Ведь никто не утверждает, что любое повествование, хронологически совпадающее с одним из трёх этапов революционного движения, должно быть автоматически отнесено к историко-революционному.

Вероятно, повествование об одних и тех же событиях может стать или просто историческим (ничего не теряя в своей исторической сути), или историко-революционным – в зависимости от угла зрения автора, принципов типизации событий. Любой приём возможен лишь в том случае, если он отвечает принципу историзма и работает на него. И тематическое и композиционное многообразие исторической прозы Дагестана свидетельствует об осмыслении писателями сложных, многоликих и противоречивых событий в жизни общества и отдельного индивидуума и наметившейся уже глубине проникновения в закономерности исторического развития общества.

Настало время трезвого и взвешенного подхода к событиям собственной истории, собрано немало документов, появилось много публикаций, проливающих свет на историческую реальность и факты, яснее прорисовываются биографические подробности людей, вершивших судьбы войны и мира в течение многих десятилетий. Именно сегодня для национальных литератур Дагестана необходимо руководствоваться словами А.И. Герцена «Глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперёд».

Исчерпывающую характеристику целей и задач исторического сочинения дал Дмитрий Лихачёв: «Каким должен быть исторический роман? Прежде всего без ошибок. На историческом романе лежит огромная ответственность. . . Надо чаще общаться с профессионалами и не пользоваться общеизвестными подделками, принимая их за документы. Надо пользоваться не только литературой по тому или иному вопросу, но и архивными данными. И нельзя допускать пошлости, потакать дурным вкусам, видя элементы сенсационности. Нельзя жертвовать истиной ради «интересности».

В этой связи повесть Мариам Ибрагимовой «Звенел булат» представляет немалый интерес, так как в ней впервые реабилитируются многие известные и забытые имена людей, сыгравших значительную роль в истории Дагестана начала XX века.

Привлечённые редкие архивные материалы и кропотливые разыскания дополняют биографии персонажей её книги уникальными фактами и сообщают достоверные сведения об их жизни и деятельности. Мариам Ибрагимова не ограничивалась лишь работой в архивах, многие сведения, сюжеты взяты из жизни, основаны на общении с живыми представителями некогда знатных горских кланов или просто интеллигентных семей. Все эти сведения из первых уст, перепроверенные, разумеется, автором, придают её повествованию жизненную достоверность, материальность, предметность всех очерченных образов. Явная, а порой и скрытая инкорпорированность в текст фактических источников подтверждается сведениями, которые стали известны лишь в последние два десятилетия.

Изданная в Махачкале в 1972 году повесть «Звенел булат» получила широкую известность в республике, так как здесь в обобщённом виде собрано множество исторических фактов

и событий, которые фрагментарно отражены в публикациях, архивных материалах начиная с 20-х годов. Писательница представила объёмную панораму политической жизни Дагестана в трудный период ломки старого строя и формирования нового. Многие из описанного ею изложено современниками и участниками событий тех лет. Об этом писал А. Тахо-Годи в своих очерках «Уллубий Буйнакский» и «Революция и контрреволюция в Дагестане», прямое отражение перипетий смутного времени встречаем мы в публикациях газет того времени, в статьях С. Габиева, Г. Саидова, М. Дахадаева, У. Буйнакского, Дж. Коркмасова, З. Батырмурзаева, Г. Далгата, в сводках и информационных материалах, собранных в архивах.

Просветитель, поэт и революционер Темирбулат Бейбулатов создал ряд стихотворений, таких как «Молитва дагестанцев во время денкинского засилья», «Дагестанский марш», «Вай, казаки сожгли».

События Гражданской войны нашли довольно широкий отклик в творчестве многих дагестанских писателей и поэтов. Среди наиболее известных произведений повесть И.-Х. Курбаналиева «День в Кумухе», рассказ Ш. Микаилова «Ночь в Анцухском ущелье», очерк Р. Нурова «Ая-Кака».

Доскональное и подробное изучение реалий времени сделало её произведение подлинно художественным документом эпохи.

Наиболее авторитетным свидетельством реальности изображённого в повести М. Ибрагимовой стала изданная в 2005 году книга «Полковник Магомед Джафаров. Сборник документов». Здесь собраны мемуары, архивные документы, фотографии одного из действующих лиц повести «Звенел булат», воспоминания его родственников. Документы настоящего сборника извлечены из следующих источников: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) ф. 400, Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД) ф. 2 «Послужной список Магомеда Джафарова», Рукописный фонд Дагестанского научного центра Российской академии наук (ДНЦ РАН) ф. 2, оп. 1, д. 146/1914 «Мемуары полковника Джафарова». Ответственный редактор издания Х.-М. Доного отмечает, что «публикуемые документы расположены в хронологическом порядке, что даёт возможность проследить жизненный путь М. Джафарова».

Ещё одним документом, проливающим свет на события 1917–1919 годов в Дагестане, стали «Воспоминания о Кавказе», автором которых является турецкий эмиссар на Северном Кавказе Мустафа Бутбай. Автор перевода – академик Зия Буниятов (Азербайджан), чья компетентность в вопросах истории не подвергается сомнению.

Книга представляет собой тайные дневники, которые на Северном Кавказе в годы Гражданской войны вёл турецкий разведчик. В предисловии к изданию отмечается: «Впервые обнаруженные и изданные в 1990 году в Анкаре Ахмедом Джемдетом Джамбулатом, они являются не только уникальным документом, проливающим свет на многие неизвестные страницы истории Чечни и Дагестана, но и увлекательнейшим, почти детективным сюжетом. Автор, черкес по происхождению, запечатлел в своих дневниках записи бесед с видным лидером горцев шейхом Али-Хаджи Акушинским, эмиром Узуном-Хаджи, подполковником Алихановым, социалистом Дж. Коркмасовым и др., выразив своё отношение к их политической деятельности».

В книге А. Абу-Бакара «Манана», выпущенной в Москве в 1990 году, также описан ряд реальных лиц из противостоящего большевикам лагеря: Саид-бей, внук имама Шамиля, Гоцинский, Али-Кылыч, турецкие военные Кязим-бей и др. Надо отметить, что для написания книги А. Абу-Бакар много времени провёл в архивах Тбилиси, Стамбула, Махачкалы. Его роман-диалогия посвящён тому же периоду 1917–1920 годов, но здесь художественный вымысел преобладает над фактическим материалом.

В журнале «Наш Дагестан» с 1990 года стали появляться архивные материалы, посвящённые отдельным фигурам, чьи имена долгие годы фигурировали в списках персон нон грата. Эта литература заметно выдвинулась тогда в центр читательских интересов.

Во всех этих художественных, а также художественно-документальных текстах наблюдаются совпадения имён, фактов, эпизодов одного и того же исторического времени. Но все они опубликованы после 1990 года, а Мариам Ибрагимова сделала это ещё в конце 60-х – начале 70-х годов минувшего столетия. Поражает её проникновение в документы эпохи, так же как и искренний интерес ко всему, что связано с историей Дагестана. Не менее впечатляет поступок женщины, которая взяла на себя смелость в разгар идеологического прессинга со стороны многих официальных организаций прямо и без оглядки на последствия назвать имена врагов советской власти в положительном контексте.

Разумеется, выход книги «Звенел булат» вызвал неоднозначную реакцию в официальных кругах. За всем этим последовала реакция со стороны партийных органов республики, проводились научные и идеологические экспертизы степени «вредности» этого издания. Но сам сюжет, построенный на противостоянии сил большевиков и оппозиции, и использование автором привычных идеологических моделей, когда победа остаётся за силами революции, спасли книгу. По существу, в дагестанской литературе ещё в 70-е годы появились умело закамуфлированные ростки своего рода диссидентской мысли.

О подобной тенденции справедливо пишет Казбек Султанов: «В нашем отношении к прошлому долгие годы превалировала конфронтационная модель в её различных измерениях (сословном, классовом, этническом), объединённых общим знаменателем – определением вины того или иного деятеля, которого идеологически озабоченный историк с лёгкостью необыкновенной сажал на скамью подсудимых. Ситуативно-конъюнктурное мышление не позволяло осознать в полной мере, что поверх конкретных исторических претензий, разногласий, столкновений существует как непреложный факт большая культурная традиция, в рамках которой проступает заветная преемственная связь отшумевших событий и ушедших из жизни людей, связанных в своё время формой яростного политического противостояния».

Мариам Ибрагимова сумела в какой-то степени разрешить концептуальную задачу – избежать «чёрно-белых» оценочных характеристик действующих лиц своей повести. Она показала многообразие форм отражения нравственно-политического конфликта как конкретно-исторической категории, не отдавая при этом предпочтения субъективным факторам, её формирующим. Она привнесла в традиционную расстановку идеологических акцентов новое философско-публицистическое звучание, смело раздвинув границы темы, приводя фактические материалы, которые до того никто не приводил.

В повести «Звенел булат» очевидно свободное владение автором всей массой информационного материала. Прекрасно оперируя инструментом документально-беллетристического повествования, писательница обнаруживает неженский склад ума, умело анализируя, сопоставляя и обобщая огромный фактический материал.

Повесть Мариам Ибрагимовой не только дополняет ряд историко-революционных произведений, но выбивается из него своей этнонациональной насыщенностью, обилием реальных событий и персонажей. В её повести заключена целая эпоха со всеми её минусами и плюсами. Доминантой всех личных высказываний писательницы, её художественности, образной системы является историзм. Историзм мышления, видения, отражения пронизывает всё её творчество.

Художественный историзм – это особый принцип восприятия действительности. Такой подход позволяет различать историзм писательский, воплощённый в специфических художественных формах, и собственно исторические и философские взгляды писателя. Обращение М. Ибрагимовой к истории революционных лет подчиняется задаче понять природу наиболее сложных и противоречивых явлений в обществе, их истоки и корни.

В разработке исторической темы одним из самых активных и приметных стало направление, предпочитающее сюжеты, изначально требующие прочности историко-документальной основы. Верность фактам, точность их воссоздания – главное и неперемное условие вопло-

щения замысла автора, тем более что факты, к которым она обращается, с точки зрения сегодняшнего дня кажутся эпатазирующими.

Именно фактическая документальная основа помогла М. Ибрагимовой создать произведение, которое читается с неослабевающим интересом от начала до конца. Этому способствует органичное сплетение документа и авторского вымысла, точно выверенное соотношение факта и беллетристики, лаконичный и ёмкий стиль, отличное знание примет и реалий времени, понимание национального характера горца, умение небольшой характерной деталью передать желаемое настроение.

Заметной особенностью изложения является как бы полная отстранённость автора от излагаемых событий, взгляд со стороны, стремление к предельно объективизированному изложению. По сути, повесть М. Ибрагимовой – своего рода хроника событий грозных, переломных лет. Однако именно авторская воля выстраивает воедино хаотичность действия, фрагментарность, несвязанность эпизодов реальной жизни, кажущуюся немотивированность и дробность сцен.

Способность отразить в небольшом отрывке событие огромной важности, вычленив главное, сконцентрировать внимание вокруг основного события вообще характерна для всего творчества Мариам Ибрагимовой.

Основным местом действия повести «Звенел булат» является Дагестан периода бурных 1917-1920-х годов. Сюжет и композиция повести М. Ибрагимовой полностью выдержаны в жанре документально-исторической прозы. Действие повести начинается в Севастополе, куда судьба занесла семью лакца-отходника Абакара Чанхиева. Автор использует имена и фамилии реальных людей, отчего её повествование становится ещё более убедительным. Здесь, в Севастополе, приобщаются к революционной деятельности сыновья Абакара – Манаф и Джавад. Эта часть повествования построена схематично, согласно бытовавшему в национальных литературах штампу: вовлечение полуграмотных горских парней в революционную деятельность, знакомство их с передовыми представителями русской интеллигенции, последующий перенос действия на родину основных персонажей в Дагестане.

Один за другим сменяются эпизоды, рисующие расстановку политических сил в столице края Темир-Хан-Шуре. При этом большинство персонажей, представляющих эти силы, зачастую будучи на разных идейных позициях, связаны родственными, семейными, соседскими, сословными связями, что придаёт своеобразие ситуации общественного конфликта. Становится заметно, что даже у лидеров противоборствующих сил – землевладельцев, офицерства, представителей буржуазии с одной стороны и революционно настроенных интеллигентов, членов социалистической группы, рабочих – с другой – нет ни чётко выраженной идеологии, ни своего более или менее стабильного идеала, а ситуация имеет единственное назначение – быть. Однако это не относится к группе большевиков под руководством У. Буйнакского.

Вскоре обстановка обостряется, братья невольно попадают в самый водоворот событий, узнают людей, возглавлявших различные партии и группировки. Марьям Ибрагимова обнаруживает прекрасное знание политической расстановки сил, которая была очень сложна и неоднозначна.

Дальнейшее развитие сюжета определяется динамикой конфликта между противоборствующими силами. Произведение М. Ибрагимовой плотно насыщено событиями, данными автором в динамике. Драматизм событий, следующих одно за другим, исключает возможность эпического изложения. В повести объединяются два разнородных качества: историчность мышления, тяготеющего к объективному повествованию, и художественное осмысление событий, благодаря чему возникает необходимость в авторском комментарии, структурирующем все звенья повествования.

Перипетии жизни братьев Чанхиевых излагаются хотя и фрагментарно, но довольно подробно, вплоть до того времени, когда они включаются в ставшие уже бурными политиче-

ские события. С этого момента в повествовании отмечается быстрая смена дискурсов, вызванная динамично развивающимися событиями.

Нужно отметить, что практически все действующие лица повести – реально существовавшие люди. Это относится не только к историческим фигурам, но и к представителям простого народа.

М. Ибрагимова постоянно противопоставляет большевиков и их попутчиков националистической буржуазии, показывает разные способы борьбы, к которым прибегали те и другие. Столкновение противодействующих сил пристально и детально исследуется автором.

Историческое время в повести необычайно уплотнено, вмещая множество разнообразных событий. Это не столько поток событий, сколько водоворот. И, мощно вращаясь, водоворот этот втягивает постепенно всё большее и большее количество действующих лиц.

В результате выстраивается событийная мозаика, демонстрирующая внутренний механизм и мотивы действующих лиц и группировок. Малые временные пространства смещаются, перетасовываются, обрываются сюжетные ситуации, чтобы дать место другим.

Главными действующими персонажами становятся руководители противоборствующих сил, каждый из которых преследует свои личные и групповые интересы. Из контекста повествования вырисовывается невероятно запутанная политическая ситуация как в Темир-Хан-Шуре, Петровске, так и в различных горных аулах.

Простые дагестанцы, не понимающие толком, чего от них хотят многочисленные агитаторы разных ориентаций, начиная от большевиков, социалистов, кончая эмиссарами Гоцинского и Узуном-Хаджи, совершенно сбиты с толку. Междоусобица среди горской знати, которая, в свою очередь, разбита на враждующие группировки и кланы, борющиеся за власть, окончательно дезориентирует и без того растерянное население. Единственный ориентир – клановые и тухумные вековые связи, верность горским адатам и попытка придерживаться законов шариата, хотя и здесь борющаяся за власть горская аристократия переступает многие этические рамки, что не остаётся незамеченным в народе.

Революционные процессы в регионе, каким был Дагестан того периода, где не было ни развитого капитализма, ни сформировавшегося пролетариата, возникнуть самостоятельно не могли. Идеи революционных преобразований были приведены в движение извне. Носители новых веяний были в основной своей массе людьми образованными, своего рода элитой горского общества, имели определённое влияние на своих соотечественников и умели воздействовать на их умы.

Не надо забывать о той подготовке, которую многие из них получили в России и в центрах европейской культуры.

Особую роль в становлении и развитии дагестанской национальной интеллигенции сыграла Ставропольская гимназия. Здесь получали представление о внешнем мире, учились мыслить в социальной плоскости, сравнивать и сопоставлять реалии двух миров молодые кавказцы. Здесь же заряжались они духом революционных перемен, получали сведения об исторических судьбах народов. Многие из них, такие как Саид Габиев, Алибек Тахо-Годи, Хаджи-Мурад Амиров, Уллубий Буйнакский, первоначальную «закалку» получили именно в Ставропольской гимназии, ставшей в какой-то момент центром «вольномудства» на Кавказе.

Учащиеся получали всестороннее образование, популярностью у них пользовалась литература демократического и марксистского толка. Выпускники гимназии стали позже известными революционно-демократическими деятелями, публицистами. С. Габиев, А. Тахо-Годи и другие сыграли решающую роль в исторической судьбе Дагестана. Не случайно в своё время наместник Кавказа Барятинский говорил о «страшном направлении Ставропольской гимназии».

А. Тахо-Годи в своём блестящем очерке «Уллубий Буйнакский» иронически констатирует: «Ставропольская гимназия больше всех подвела старый режим и горько посмеялась над

ним. Вопреки замыслам её учредителей, гимназия оказалась очагом революционных настроений и была расформирована».

Дж. Коркмасов, один из руководителей революционно-демократического движения на Кавказе, после окончания Ставропольской гимназии учился в Сорбонне, был основателем первой русскоязычной газеты «Стамбульские новости» (1909–1910).

«Называя Коркмасова представителем трёх великих культур в Дагестане (русской, восточной, европейской) и подчеркивая его свободу от «малейших признаков западного космополитизма, национального нигилизма», историк Р. Магомедов фактически поставил вопрос о феномене культурного пограничья на дагестанской почве», – пишет К. Султанов.

Уллубий Буйнакский окончил Московский университет, был юристом по специальности. Махач Дахадаев – инженером, широко образованным публицистом. Список этот можно продолжить, но для передачи атмосферы, царившей в среде горской интеллигенции накануне описываемых Мариам Ибрагимовой событий, целесообразнее привести отрывок из воспоминаний Магомеда Джафарова, одного из главных персонажей её повести. Он рассказывает о встрече с Коркмасовым и Хизроевым на Петровском вокзале летом 1917 года: «Перед отъездом из Петровска в Шуру на вокзале встретил Коркмасова и Хизроева... За завтраком разговорились о текущих событиях, о революции. Деталей разговора теперь уже не помню, но хорошо сохранились в памяти слова Коркмасова, что он видел много революций, знает их по описаниям, но того, что в России происходит, он нигде не видел и считает это недопустимым. Как дагестанец, сказал он, я поспешил сюда, чтобы по мере сил помешать разгулу безобразий и извращений».

Х.-М. Доного, автор «Введения» к мемуарам полковника Джафарова, комментирует это следующим образом: «Этот факт – наглядное доказательство того, что Коркмасовым и его друзьями и соратниками Дахадаевым, Хизроевым, Тахо-Годи, Ковалевским, Зулпукаровым двигала не какая-то отдельно взятая пресловутая партийность или идейность, а сознание необходимости быть полезным своему народу». В какой-то степени М. Ибрагимова разделяет эту точку зрения, но не до конца.

В повести воспроизводится доподлинная жизнь, предстают десятки историй и судеб, и среди них нет центральной, собравшей в единый сюжет все остальные истории. Автор ведёт своих героев через испытания бурными событиями, обнажая всю сложность внешней окружающей среды, избегая при этом односторонних стереотипных оценок. Тяготение М. Ибрагимовой к острой, отточенной динамике, к углублённому исследованию причин и следствий поступков и решению нравственно-психологических вопросов нашло своё воплощение в изображении фигур руководителей контрреволюционного лагеря.

Следуя за каждым этапом борьбы большевиков с их противниками, Мариам Ибрагимова избирает путь переосмысления некоторых фактов, событий, а главное – оценки действующих лиц, канонизированных в трудах историков и писателей советского периода. Это важно отметить, так как до того времени взгляд на руководителей революции и контрреволюции был один. Писательница тогда была первой, кто взглянул на события с собственной точки зрения и, вписываясь в идеологические рамки, сумел объективно обрисовать людей, которые, в сущности, были столь же самоценны для культурного климата горного края, как и лучшие представители революционного крыла. Во всяком случае, весьма характерно, что судьбы многих героев повести, их метания и сомнения сходны с жизненными перипетиями героев романов М. Булгакова «Белая гвардия» и «Бег», а образ Григория Мелехова из «Тихого Дона» Шолохова может служить прообразом значительной части дагестанского офицерства. Разница в том, что у Булгакова и Шолохова образы героев собирательные, созданные в чисто художественном контексте, у Ибрагимовой же – это реально существовавшие люди, чьи слова и действия вполне соотносятся с фактическими, документальными данными: Кайтмас Алиханов, Магомед Джафаров и Муслим Атаев действительно не раз задавали себе вопросы, ответы на которые давались дорогой ценой.

Отбросив политические соображения, можно было констатировать и тогда, что К. Алиханов, М. Джафаров, Али-Хаджи Акушинский и даже Нухбек Тарковский и Нажмутдин Гоцинский были фигурами отнюдь не столь одиозными, как их часто представляли в художественной и исторической литературе.

Писательница безбоязненно выказывает свою симпатию к Кайтмасу Алиханову, Магомеду Сафарову, предлагая читателю свою модель исторической судьбы героев. Стилль повествования меняется в зависимости от того, что в данный момент рисует автор. В одном случае это комментарий событий, в другом – выражение непосредственного отношения главных действующих лиц – Манафа и Джавада, а порой и их идеологических противников к происходящему. Много места в повести уделяется диалогу, который несёт большую информационную нагрузку.

Во многих случаях герои повести озвучивают свою позицию, точку зрения посредством внутреннего монолога или диалога. Человеческие типы многообразны, наделены собственной индивидуальностью, о чём свидетельствуют их вербальные характеристики, поведенческие особенности.

В разговоре братьев со старым рабочим Гаджи-Магомой проясняется ситуация в городе: «– Отец, а тебе известны имена тех, кто призывает народ к народовластию? – спросил как-то Манаф.

– Много их, и мусульман, и русских. Своих знаю поимённо, могу сказать, из какого рода-племени. Вижу часто, типография рядом, одни заходят, другие там работают.

– А кто же главный среди них?

– Не поймёшь, вроде по-своему каждый главный и учён, а там Аллах их знает.

– А ты, отец мой, кого больше знаешь?

– Махача знаю, аварец он, сын Дахада из Унцукуля.

– Учёный?

– Да, в России учился строить железные дороги. В царском городе жил, там женился на внучке Шамиля, что от Магомеда-Шафи рождена.

– А что он делает сейчас в Шуре?

– Заводик у него здесь маленький, кинжалы изготавливают, но последнее время забросил его. Занимается формированием революционных отрядов».

Тогда же братья узнают об Уллубии Буйнакском и братьях Саидовых, старший из которых, Бадави, служил в канцелярии шурина генерал-губернатора, а младший, Гарун, недавно вернулся из России, работает в Шуриной типографии, выпускает газету «Илчи».

Один за другим представляются читателю руководители социалистической партии, и в судьбе каждого из них неперенный этап – пребывание в России.

«Сразу же по возвращении из аула Манаф пошёл в типографию, познакомился с Гаруном Саидовым. Черноглазый, жизнерадостный, как сама молодость, Гарун пришёлся по душе Манафу.

Менее приветливо протянул молодому лудильщику руку оказавшийся в кабинете Саид Габиев. Сухощавый, невысокого роста Саид чисто говорил по-русски. Он горячо спорил о чём-то с Гаруном и, наконец, хлопнув дверью, ушёл».

Читатель узнает много любопытных сведений, деталей, имеющих чисто познавательную ценность. Автор знакомит читателя с картинками быта старой Шуры, мирными обывателями, которые дружно живут, не различая друг друга по национальности. Атмосфера Темир-Хан-Шуры передана Мариам Ибрагимовой с теплотой человека, хорошо знающего и любящего этот славный городок, знакомого со многими интересными подробностями жизни его обитателей.

«Проходя как-то по улице, Манаф показал Джаваду угловой дом, полуторазэтажный фасад которого обращён был на Аргутинскую улицу.

– Дом лакца Абиссинского.

– Почему Абиссинского, это же не мусульманская фамилия?

– Фамилия ему дана по названию далёкой страны, где жил он с отцом, братьями. Говорят, один из родственников достиг там чина министра монетного двора. А этот вернулся на родину, купил здесь дом».

Небольшие зарисовки бытового характера не мешают динамике развития сюжета. Завязавшиеся сюжетные отношения героев служат для дальнейшего развития сюжетной интриги. Чем быстрее назревает ход неотвратимых событий, тем больше действующих лиц вводится в повесть.

Обрисовав представителей революционного крыла, автор подходит к опосредованным характеристикам представителей контрреволюционного лагеря. Тот же старый Гаджи-Магома рассказывает Джаваду о Нажмутдине Гоцинском. На вопрос о нём старик отвечает:

«– Как не знать соплеменника? Не только в Аварии, весь Дагестан знает его.

– Большой человек?

– Очень. Выше меня на две головы, а толще раз в десять.

– Сильный, значит? Расскажи о нём, – попросил Джавад.

– Расскажу, коль интересуешься. Человек может стать известным и влиятельным, если обладает большим умом или состоянием. Нажмутдин – человек богатый, учёный-арабист».

Несколько неожиданным для читателя становится история, рассказанная Гаджи-Магомой об отце Нажмутдина Гоцинского. Им был наиб Шамиля Доного-Магома. Старик характеризует его как хитрого и изворотливого человека, сумевшего добиться милости у имама. Заметим попутно, что имя Шамиля не раз встречается в повести, в любой ситуации Шамиль служит для автора мерилom всего лучшего, достойного. «Назначил непревзойдённый, доверчивый имам Шамиль его наибом в нашем обществе. Достигнув власти, Доного-Магома предал забвению законы шариата».

Власть и богатство, основанные на обмане и предательстве, которое позднее совершил Доного-Магома в отношении Шамиля, заложили основу могущества Нажмутдина Гоцинского: «Оставил ему Доного в наследство тысячи голов скота, обширные пастбища, богатые кутаны».

Рассказ старика завершается словами: «Но всё-таки богатым не только Аллах, вся нечистая сила помогает. Какие бы ни происходили перемены во власти, избирают Нажмутдина в советники, возводят в чины, даже не видя его лица».

Образ Гоцинского, нарисованный в воображении Джавада со слов старика, дополнился личным впечатлением, когда Джавад увидел его въезжающим в город во главе своего войска: «Один из них гигант в высокой папахе бухарского каракуля, обвязанной чалмой. Заняв почти все сиденье, он утопал в меховой шубе, покрытой тёмным сукном. Широкое белое лицо, чёрные брови, тяжёлые веки над тёмной щелью полузакрытых глаз».

Подчёркнутая значимость и монументальность образа Гоцинского резко контрастирует с описанием фигуры Узуна-Хаджи: «Закутавшись в бурку, он, как диковинный птенец, нервно тряс головой; его выпуклые глаза глядели то с надменным самодовольством на простых смертных, то с собачьей покорностью на своего господина».

Трудно судить, по каким источникам создавались эти словесные портреты и были ли эти люди настолько карикатурны в жизни, хотя облик Гоцинского в повести дан ещё весьма пристойным, если сравнить многочисленные описания его внешности в ряде других произведений дагестанских авторов. Полковник Джафаров в своих воспоминаниях уделяет большое место личности Гоцинского. В частности, он характеризует Гоцинского как крайне алчного человека. Одновременно он подчёркивает, что «Нажмутдин был очень умным человеком. Конечно, кругозор его был не очень широк. Всё же представление о том, что делается в мире, вообще он имел». Узуна-Хаджи полковник характеризует так: «Он вовсе не был арабистом, учёным-шариатистом. Это, скорее, совершенно невежественный человек, который едва ли имел ясное представление о шариате и вообще об исламе... На деле он был просто ловким жуликом».

Что касается остальных исторических фигур, известных своей приверженностью лагерю контрреволюции, то, к чести автора, она постаралась дать максимально объективные их портреты.

Откровенно любит она кавалером четырёх Георгиевских крестов Магомедом Сафаровым (Джафаровым), с удовольствием рисует его портрет, описывает его жилище: «Ярко светились в этот вечер окна одного из шуринских особняков. Сквозь густую сеть белоснежных гардин виднелась большая керосиновая лампа с матовым абажуром, висящая над круглым столом. На столе были расставлены бутылки. Рядом с хрустальными бокалами струился в пепельнице дымок дорогих папирос. За столом, оживлённо беседуя, сидела группа офицеров. Среди них особенно обращал на себя внимание высокий, стройный, с широкими плечами мужчина средних лет, с волевыми чертами смуглого сухощавого лица. Он часто поднимался из-за стола, сверкая чёрными глазами, оживлённо жестикулируя рукой, что-то рассказывал. Это был хозяин дома – полковник Магомед Сафаров».

Неоднозначно отношение автора и к полковнику Кайтмасу Алиханову. Причисляемый многими авторами к злейшим врагам советской власти и потому изображавшийся фигурой традиционно негативной, Алиханов предстаёт в повести в непривычной для нас ипостаси. Писательница с должным уважением отнеслась к его личности, отметив многие, незамеченные другими, положительные человеческие качества.

Отмечая его высокое происхождение, его геройство на полях многих сражений, его авторитет среди бойцов, автор пишет: «Кайтмас Алиханов с первых же дней свержения русского самодержавия заколебался. Где-то в глубине души его теплилось чувство тяги к новому. Вначале он лояльно относился к советской власти. Но потом ссора с Махачом Дахадаевым привела его в лагерь контрреволюции. Не по душе ему были и заносчивые, самовлюблённые отпрыски местной знати, любыми путями стремившиеся к захвату власти. И всё-таки такие же богачи, как и он, казались ему менее опасными».

Выделяясь из общего круга представителей своего класса, зачастую противостоя ему независимостью суждений и поступков, он все-таки остается человеком своей социальной среды. Ярко выписанный образ Алиханова занимает в книге достаточно чёткое место. В раскрытии этого образа, как и образа М. Сафарова, писательница часто использует психологические характеристики. Стремясь изобразить внутренний мир своего героя, описывая разные душевные состояния, она пытается зафиксировать нюансы его поведения, а главное – выявить психологический конфликт в душе Кайтмаса Алиханова. Она идёт от поступков героя к объяснению их мотива, к тайному, скрытому в глубине души. Наиболее убедительно Алиханов раскрывается в своем диалоге с шейхом Гасаном, к которому он, обуреваемый сомнениями в правильности своего пути, пришёл за советом:

«– Брат мой Гасан! Будучи несостоятельным человеком, не занимая высокого поста, не имея чинов и заслуг, ты пользуешься среди народа не меньшим авторитетом, чем сам Гоцинский. Я всегда с твоим мнением считался, но, к сожалению, ничего не услышал сегодня.

– Слишком поздно ты решил советоваться со мной. И что для тебя теперь значит мой совет, когда рядом с тобой имам?

– Да, мне пришлось помириться с врагом, забыть мелочные обиды во имя достижения большой цели.

– Добавь, Кайтмас, – личной цели.

– И личной, и общей.

– Общей, если иметь в виду тех, кто вас послал, и тех, с кем ты пришёл, а народ от этого пострадает ещё больше.

– Что поделаешь, без страданий и жертв не обходятся большие дела».

Между Кайтмасом и шейхом возникает спор об истинном благе для народа, где шейх занимает предреволюционную позицию, а полковник, признавая его правоту, всё же не согла-

шается до конца принять его доводы. Когда шейх Гасан напоминает Кайтмасу о нищете, царящей в горных аулах, тот вопрошает:

«– Скажи, шейх, когда этого не было в наших горах?»

– Это было, это есть, но я бываю счастлив от мысли, что когда-нибудь этого не будет.

– Так будет всегда! Не только люди, но даже сам Господь Бог, повелевающий дневным светилом, не может всех одинаково обогреть. Ты думаешь, что большевики способны принести счастье нашему народу? Нет. Взгляни на человеческие руки. Сама природа создала их так, чтоб цепко держаться, хватать, тянуть к себе. Я не верю людям. За каждым кажущимся общим делом таится личное, шкурное.

– В таком случае мне не о чем говорить с тобой. Значит, ты, Кайтмас, не веришь мне. А я верю людям, верю в доброту и торжество справедливости, потому что не обманываю себя и других. Прощай, Кайтмас! Жаль мне тебя. Боюсь, что не кончится добром ваша затея».

Полковник остался разочарованным и полным сомнений. В глубине души слова шейха нашли отклик, но он не признавался в этом. «Для себя он уже ничего не хотел. Но у него было три сына – молодых, крепких, стройных, как сосны, что растут на заснеженных склонах Цунтинского хребта. Он жил ими. Только они радовали его. Всё, что он имел и что хотел иметь, должно было принадлежать им. А если слова шейха Гасана – само пророчество? Если всё это начало большой, неизбежной беды? Дрожь пробегала по его сухощавому, мускулистому, ещё крепкому телу.

Так пришла ночь. А с рассветом он вновь стал военачальником – непоколебимой воли, немногословным, требовательным к себе и к воинам».

Лаконичность изложения не мешает Ибрагимовой отмечать характерные детали, способствующие более полной, ёмкой обрисовке образов.

Художественная палитра её не отличается большим разнообразием оттенков. Тем не менее все герои чётко индивидуализированы, что проявляется начиная с внешнего облика вплоть до речевой характеристики. Отмечены даже характерные черты поведения каждого из них. Драматизм и душевная напряжённость Кайтмаса Алиханова выдает сильную, волевою личность.

Менее чётко, пунктирно обрисован образ Муслима Атаева, служившего у деникинских «добровольцев» личным адъютантом генерала Эрдели. В обрисовке черт личности Атаева автор также прибегает к приёму самораскрытия персонажа через диалог. Интересен диалог Муслима Атаева со своим родственником, большевиком Магомед-Мирзой Хизроевым. Ибрагимова показывает, как в процессе этого диалога у Атаева меняется угол зрения на происходящее в дагестанском обществе. Как и большинство диалогов повести, данный диалог информативен, даёт читателю дополнительное представление о том, что движет собеседниками в их жизненном выборе. Логика М. Атаева проста и по-своему убедительна, но имеет слабые места, чем и воспользовался Хизроев. Для убеждения собеседника у него имеются веские основания, причины и доводы, да и сама ситуация, в которой находится Атаев, способствует тому, что разговор его с родственником не остался без последствий. Переход Атаева в ряды защитников революции произошёл не сразу, но внутренняя решимость сделать это мотивирована, подготовлена душевным процессом. Он приводит свои аргументы, не лишённые здравого смысла и логики:

«Мы, царские офицеры, не все, конечно, а некоторые, кроме военного чина, ничего не имели. Это был единственный источник нашего существования. Мы служили всем, кто нас нанимал за деньги.

Большевики считали нас врагами. Не могли же мы считать их друзьями. Между нами легла непроходимая пропасть. Если теперь в униженном положении мы явимся к вам в раскаянии, нам не поверят. Я хотел бежать в Турцию, но, не имея средств, решил умереть на родине».

Обращение Атаева в иную идеологическую ипостась происходит в повести довольно скоро, немалую роль здесь сыграл и фактор кровнородственных связей, который так много значил и значит для кавказского менталитета.

«– Ты ошибаешься, Муслим. Вот я большевик, но не считаю тебя непримиримым врагом.

– Ты, Магомед-Мирза, забываешь, что в наших жилах кровь одного предка. Если бы тебе как большевику грозила опасность, я – белый офицер – заслонил бы тебя собой. Это говорю не ради красного словца и не для того, чтобы снискать пощады или помилования через тебя у большевиков... Да ты и сам знаешь, что это противоречит нашим убеждениям».

Аргументация Хизроева весьма проста, но ему удаётся быстро убедить собеседника.

Атаев сомневается в верности пути, на котором стоят большевики:

«– В наше время, в сложном лабиринте спутанных дорог трудно сказать, который из путей верный.

– Верный тот путь, по которому идёт народ.

– Народ идёт не сам, он следует за предводителями.

– Если предводитель от народа преданный, любящий и любимый народом, он не свернёт с пути истинного, ведя за собой остальных.

– Согласен.

– Так вот, если, наконец, согласен, должен тебе посоветовать. Сейчас же займись мобилизацией хунзахской молодёжи. Собери отряд, поезжай с ним в Шуру. Иди к Советскому правительству с повинной».

Усилия писательницы прорваться к максимальной исторической достоверности сказываются и в её уважительном отношении к религиозности некоторых своих героев. В период написания книги (60-е годы) богоборческие мотивы всё ещё явственно звучали в любом из произведений, посвящённых историко-революционной тематике. Невозможно было представить положительного героя, творящего молитву или обращающегося за помощью к имени Божьему. Это было прерогативой отрицательных персонажей, явных злодеев.

Не то у Мариам Ибрагимовой. Её герои, революционные деятели, осознают свои жизненные ценности, главной из которых оказывается их принадлежность традиции, характеризующей их как истинных дагестанцев. С самого начала и до конца повести Джавад и Манаф, а также их друзья, родственники и соратники обрисованы как верующие мусульмане, вовремя совершающие намаз и живущие в соответствии с нормами шариата. Революция у неё не сопрягается с лютоющим в ту пору в России атеизмом. Удивительно органично, с большим тактом совмещает писательница веру в лучшую жизнь с верой во Всевышнего в душах простых людей.

Следуя логике факта, Мариам Ибрагимова прекрасно осознавала, что в Дагестане не могло так скоро, как в России, привиться атеистическое безумие. Это произошло позже, через десять-пятнадцать лет, но тогда, в 20-е годы, эта тенденция к безбожию была едва приметной.

Ещё более непривычным является причисление религиозных деятелей, носителей идей шариата, шейхов и имамов к ряду прогрессивных деятелей. Такими в повести являются Али-Хаджи Акушинский, шейх Гасан. Для литературы того периода гораздо более привычными были образы жадных и глупых служителей культа. Традиция, берущая начало из фольклора и продолженная в рассказах Ю. Гереева, повести К. Закуева и многих других произведениях, здесь оказалась разрушенной до основания.

Единственный устоявшийся стереотип – образ имама Гоцинского, но здесь он предстаёт скорее как представитель политических сил, нежели как духовное лицо.

Погружённые в водоворот бурных событий герои повести «Звенел булат» становятся свидетелями острейших исторических коллизий, и не только свидетелями, но и непосредственными участниками их.

Так частная жизнь человека закономерно входит в историческую жизнь общества, а герои повести оказываются связаны не просто субъективным опытом рассказчика, но и самим движением истории.

Мариам Ибрагимовой во многом удалось реставрировать исторические события, представить реальных персонажей на реальном фоне и при этом избежать многих идеологических ловушек и штампов.

Это стремление не исказить факты в угоду властям преобладающим и стало причиной долгих мытарств писательницы с изданием главного произведения её жизни – романа «Имам Шамиль».

Звенел булат

Документально-историческая повесть

Глава первая

Город дрогнул, потрясённый орудийным залпом. Забурлил людской поток, пробуждённый от утреннего сна. Тёмным паводком хлынул народ к Артиллерийской бухте. В порт никого не пускали. Полиция и солдаты отгесняли толпу. Беспорядочную винтовочную стрельбу заглушала частая дробь пулемёта.

Гавань, над которой обычно голым лесом поднимались корабельные мачты, была пуста... Огромный корабль, охваченный алыми языками пламени и чёрными клубами дыма, медленно погружался в воду. Вода, подёрнутая радужной пеленой мазута, отражала зарево пожара. Матросы в смятении, сбросив бушлаты, в тельняшках, как птицы слетали с бортов, стремительно плыли к берегу, но, не достигнув его, исчезали под водой. Пули настигали и тех, кто хотел скрыться в открытом море. Волны захлёстывали палубу, корму. Наконец исчезли чёрные трубы, похожие на дула орудий, обращённых в синь неба. Стрельба прекратилась. Воцарилась тишина, чёрными пятнами колыхались на воде немые бескозырки – свидетели случившейся трагедии.

Понурился голову, расходились люди. Только трое продолжали стоять почти у самого берега. Чумазый босоногий мальчик лет двенадцати, которого звали Джавадхан. Рядом с ним стоял среднего роста широкоплечий человек в папахе. По ястребиному профилю смуглого лица нетрудно было узнать в нём горца. Это был брат Джавадхана Манаф. На расстоянии трёх шагов от них, словно солдат на смотре, застыл высокий блондин в инженерской фуражке. Сквозь сверкающие стёкла пенсне из-под тяжёлых полуопущенных век виднелись пронизательные глаза.

Мальчик смотрел на место страшного происшествия с невысокого парапета. Он думал об убитых и утонувших матросах. Быть может, среди них были и те добряки, которые в порту или

на корабле весело восклицали: «Здорово, рабочий класс!» И те, кто, пожав его измазанную сажей руку, подводил к пивной будке, наливал полный стакан пива, говоря: «Пей, браток, от пуза, твоё здоровье!» – звонко чокались пенящимися пивными кружками.

Русские! Никогда не думал Джавадхан, что ему до слёз будет жаль этих иноверцев. Из старинных песен горцев, рассказов он знал о расправах, которые когда-то чинились царским воинством в родных горах. Но почему такое же сделали с единоверцами? Из рассказов отца он знал, что матросы служат в Черноморской флотилии, обучаются правилам ведения морского боя, что они проходят определённый срок службы и возвращаются по домам. А эти, что погибли сегодня, никогда не вернуться...

– Джавадхан, пойдём!

Мальчик вздрогнул, оглянулся. Манаф направился к городу. Джавадхан, спрыгнув с парашюта, поспешил за братом. Шли молча. Когда свернули на Банную улицу и стали подходить к дому, брат спросил:

– Скажи, за что расстреляли матросов?

Манаф строго сдвинул брови, глянул на Джавад-хана:

– Мал ты ещё, многое не поймёшь, а если сказать коротко, за то, что против царских порядков и его генералов бунт устроили.

Братья подошли к дому. Абакар, старый севастопольский портовый лудильщик, с беспокойством ждал возвращения сыновей. Когда они вошли, спросил:

– Где это вы полдня слонялись? Нет работы в порту, значит, надо было вернуться и поработать дома.

– Легко сказать поработать, когда там людей расстреливали, – буркнул Манаф.

– Сын мой, – сказал старик, – Россия воюет с Германией, царь – владелец страны, и он вправе расправляться с теми, кто не подчиняется его власти. А нам до этого не должно быть дела. Наше дело возносить хвалу Аллаху за то, что Он даёт нам возможность заработать на кусок хлеба и отложить на чёрный день копейку.

– Ты не прав, отец. Разве те несчастные, что сегодня отдали души Аллаху, действовали во имя собственной цели?

Манаф глядел на отца, ожидая ответа. Старик, помолчав немного, сказал:

– Запомните, сыны мои, где власть и казна – там сила.

– Не всегда, – ответил Манаф. – Без народной силы ни один правитель не будет иметь успеха.

– Нехороший пример показываешь младшему брату, возражая отцу.

Абакар сел за скатерть, разостланную на полу младшим сыном, и, как положено, первым взялся за ложку, принимаясь за еду. После обеда старик почитал Коран и, как обычно, отправился к мечети на годекан. Расположена она была недалеко от дома на Казачьей улице.

Манаф пошёл в мастерскую и принялся за починку примусов. Джавадхан помогал брату.

– Джавад, а что бы ты сделал, если бы надо мной учинили такую расправу, как сегодня с матросами? – спросил Манаф.

– Не дай Аллах! – воскликнул мальчик. – Зачем говоришь такое?

– Хочу знать.

Джавад ответил:

– Когда увозили меня из дому, ты сказал маме: не плачь! Если мальчик на локоть выше кинжала – он мужчина. Зачем же спрашивать? Ты сам знаешь, что мужчины в таком случае мстят.

– Молодец! А скажи ещё, какое оружие, по-твоему, самое мощное?

Джавад, подумав немного, ответил:

– Пушка.

– Нет.

– Тогда пулемёт.

– А что же? – в недоумении спросил мальчик.

– Язык.

Джавад сделал удивлённые глаза.

– Да, да. Язык может наделать такой беды, что ни с каким оружием не сравнить, а потому его нужно уметь держать за зубами.

– Что ты этим хочешь сказать, брат?

– Конечно, не то, что ты чрезмерно болтлив. Бывает болтовня безобидная, доставляющая удовольствие, как, например, хабары нашего хозяина. Но есть важные дела, которые требуют могильного молчания, основанного на большом мужестве.

Джавад вопросительно глянул на брата.

Манаф неторопливо пояснил:

– Я хочу сделать из тебя надёжного помощника в деле, о котором должны знать только трое – ты, я и Аллах.

– У тебя нет оснований сомневаться во мне. Я не раз брал на душу грех, говоря отцу неправду, когда ты исчезал на весь день, оставляя меня одного в порту.

– Да, в тебе я не сомневаюсь. Послушай, ты запомнил лицо человека, который сегодня стоял и переглядывался со мной на набережной?

– Того, что в очках?

– Да.

– Запомнил.

– Так вот, живёт он на Нахимовской улице, завтра покажу тебе его дом. Когда потребуются, буду посылать тебя к нему. Но ты не подходи сразу к дому. Иди, заглядывая во дворы, с корзиной за плечами и покрикивай: «Чиним! Паяем!» В определённый час, когда откроешь калитку указанного дома и крикнешь: «Чиним, паяем!», с улицы, из парадной двери выглянет человек в пенсне, спросит тебя: «Мальчик, ты можешь запаять лампу?» Ты ответишь: «Да» – и пойдёшь за ним. Обувь сними у порога. В комнату не входи, оставайся в прихожей. То, что он тебе даст, спрячешь под двойным дном корзины и принесёшь домой. Повторяю, никто не должен об этом знать, даже отец. В противном случае... – Манаф сделал жест, обведя рукой вокруг шеи, что означало вздёрнуть на виселице.

Лудильщик Абакар Чанхиев, как многие малоземельные лакцы, да и другие горцы Дагестана, ещё в годы отрочества стал заниматься отхожим промыслом. Сначала в небольшом городке Темир-Хан-Шуре он открыл лудильную мастерскую. Весной, ко времени полевых работ, он возвращался в родной аул Хуты, чтобы помочь семье. Осенью, после уборки урожая, вновь уходил в город.

Когда его первенцу Манафу исполнилось десять лет, он увёз его из аула для обучения своему ремеслу.

В Шуре, рядом с лудильной мастерской Абакара, работал жестянщик Гаджи-Магома с сыном-подростком, которого звали Абдулла. Это были аварцы из аула Дусрах. Взаимоотношения отцов и сыновей сложились как у добрых соседей.

В этом городке таких мастеровых, как Абакар и Гаджи-Магома, было немало. Поэтому для всех не хватало заказов. Вот и решил Абакар отправиться на заработки в Россию. Кто-то из кунаков посоветовал ему поискать счастья в Севастополе, где всегда бывала нужда в портовых рабочих. Вначале он поехал один, обосновался, а через год увёз туда и сыновей. Здесь, в порту, в доке, имели они постоянную работу. Поселились на Корабельной стороне. Абакар и Манаф работали сдельно, по нарядам производили полуду котлов, кухонной посуды на кораблях всех видов. Они имели доступ и на военные крейсера.

Поскольку работы постоянной в порту не было, Абакар решил устроиться поближе к севастопольскому базару. На Банной улице снял полуподвальное помещение с выходом на

улицу. Разделил его на две половины фанерой. В первой половине устроил лудильную мастерскую, во второй, окнами во двор, – жилую комнату. Вместо вывески выставил на улицу старый медный самовар, привязав его на всякий случай проволокой к дверной ручке. Когда с возрастом Абакар стал прибалывать, то большей частью работал в городской мастерской. Хозяин дома, в котором поселились лудильщики, бывший боцман, был человеком покладистым, добрым. Единственным его недостатком было то, что он изрядно выпивал. Звали его Спиридоном Мартыновичем. После смерти жены жил один. Единственная дочь с зятем и внуком жила в том же доме, но отдельно.

Спиридон Мартынович с уважением относился к тихому, трудолюбивому квартиранту-горцу. Он часто, особенно вечером, заглядывал к нему. В первое время заходил с чекушкой, уговаривая Абакара попробовать водочки. Но Абакар был неумолим:

– Испасибо, Спиридон, испасибо! Мой чай давай. Мусульман шайтан-воду не пьют!

– Эх, старина, не понимаешь ты силы и вкуса этого напитка! Ладно, раздавлю сам.

– Вай, Спиридон, хороший человек, только дурной вода кушаешь, – покачивая головой, сокрушался горец.

Спиридон Мартынович, старый моряк, имел немало царских наград, но ими не хвастался. Мало говорил о себе, зато о нём всё знали соседи, говорили хорошее.

Старый боцман поднимался рано. Натянув фуражку с кокардой, широкоплечий, приземистый, он, кряхтя, направлялся к Малахову кургану. Ещё в годы юности его, задорного юнгу, водили туда в пивное заведение Малахова. А в Крымскую войну, когда героический Севастополь стал насмерть против флотилии трёх держав – французской, английской и турецкой – и весь год успешно отражал атаки врагов, Спиридон Мартынович был среди малаховцев. Этот курган – главное оборонительное сооружение. О его неприступности, отчаянной храбрости защитников даже чужеземцы слагали легенды.

Часто Спиридон Мартынович поднимался на знаменитый курган, особенно когда ушёл в отставку. Взберётся на самую вершину и застынет, как изваянный из бронзы, глядя на изрезанный бухтами город, на море. Только поредевшие белые волосы волнуются под ветром. Долго так стоит, словно в почётном карауле – в честь тех, кто лёг здесь, умножая славу России-матушки. Но постепенно, отяжелённая мыслями, его голова клонится, устало опускаются тяжёлые плечи. Медленно натягивает он фуражку на лоб и не спеша спускается с кургана. Согбенный, с задумчивыми глазами, бредёт Спиридон Мартынович к ближайшему кабаку, садится и пьёт. В долг ему нальёт любой владелец кабака. Если хозяин не возвращался домой к вечеру, Абакар отправлял Манафа на поиски:

– Иди, сын мой, грешно оставлять человека, когда нечистый отнимает у него и волю, и разум.

Манаф знал, где надо искать Спиридона Мартыновича. Иногда волоком притаскивал его домой, укладывал в постель. Утром, протрезвившись, Спиридон Мартынович говорил соседям, показывая на двери мастерской: «Хоть и басурманы, а душа христианская. Я готов их бесплатно держать в доме, а они день в день, как договорились, платят».

В холодные зимние вечера Спиридон Мартынович часто заходил к лудильщикам. Сидя на полу, со скрещенными по-турецки ногами, он предавался воспоминаниям. Горцы с увлечением слушали рассказы старого боцмана – о дальних странствиях, о единоборстве людей с водной стихией, о храбрых сражениях моряков. Манаф был благодарен хозяину не столько за увлекательные хабары, сколько за то, что тот обучил его чтению и письму по-русски. Прежде Манаф умел писать и читать только по-арабски.

– Что такое арабский? Где Аравия, где Кавказ, где ты? Учись русской грамоте, это тебе больше пригодится, – любил повторять старый моряк.

Манаф оказался способным учеником. За «прилежание и успехи» Спиридон Мартынович подарил ему букварь.

Когда началась война, Гаджи-Магома с Абдуллой вернулись в Дагестан. Хотел последовать их примеру и Абакар с сыновьями, но Спиридон Мартынович рассоветовал:

– Зачем тебе ехать в аул? Сам говоришь, земли горсточка, заработать негде. Оставайся, германца не бойся, не отдадим ему Россию! Турок хоть и заглянет на денёк, так он тебе что брат родной.

– Нет, нет, турок не надо, герман не надо, – отвечал, качая головой, Абакар.

– Вот и хорошо. Не надо, значит, не пустим.

С нетерпением ждал Джавадхан ответственного поручения. Наконец в один из воскресных дней Манаф сказал ему:

– После обеда пойдёшь на Нахимовскую.

Джавад продел в ручки корзины кизилую палку, перекинул её через плечо, вышел из дому. Шёл по Нахимовской не торопясь, заглядывая во дворы, выкрикивая: «Чиним! Паяем!» – и особо не задерживаясь. Подойдя к калитке нужного дома, искоса поглядывая на парадную дверь с улицы, он дважды прокричал: «Чиним! Паяем!»

Дверь распахнулась. Появился человек в пенсне:

– Мальчик, сможешь запаять лампу?

– Да, – ответил Джавад, направляясь к двери.

– Заходи.

Джавад вошёл, не забыв сбросить башмаки у порога. Покрытые масляной краской полы блестели, как начищенный медный таз. Посредине комнаты стоял круглый стол, покрытый белоснежной скатертью. На столе хрустальная чаша с конфетами. Взяв полную горсть конфет, человек в пенсне протянул их мальчику

– Испасиба! Испасиба! Моя не хочет.

– Да что там не хочешь, бери, ешь. – Человек в пенсне, положив конфеты на колени мальчику скрылся за дверью, которая вела во вторую комнату.

Джавадхан, широко раскрыв рот, с удивлением разглядывал ковёр, спущенный со стены на тахту, буфет, за стёклами которого сияла всеми цветами радуги посуда, камин с цветным кафелем. Никогда не приходилось ему видеть такое богатство. Кто он, этот человек? Какие дела у него могут быть с полунищим братом Джавада? Должно быть, это один из севастопольских князей. Не зря ведь предупредил Манаф, что надо снять обувь у порога. С чувством жалости к себе посмотрел он на свою залатанную рубашку и обтрёпанные штаны. Не напрасно, подумал он, на улице шарахаются от него разряженные в шёлк и кружева русские барыни.

Вновь вошёл хозяин. Джавад взял из его рук два бумажных пакета. Вытащив из корзины примус, паяльник, нашатырь, бутылку с кислотой, тряпки, он аккуратно уложил пакеты между двойным дном корзины.

Когда мальчик поднял с пола корзину, человек в пенсне спросил:

– Как тебя зовут?

– Джавадхан.

– Ого, Джавад, да ещё хан.

– Хан нет, Джавад есть, – возразил мальчик.

– Ну как же, и хан есть, и Джавад есть, – стал подшучивать хозяин.

Хитро сощурился, погрозив смуглым пальцем, Джавад ответил:

– Ты сам хан. Тебе дом большой, крепкий, деньга много. – И, помолчав, добавил: – Моя бедный человек.

– Вот тебе, бедный человек, двугривенный на мороженое, – сказал хозяин и протянул монету.

Мальчик стал отказываться:

– Работа нет, деньга не надо.

– Бери, есть работа. – Хозяин дома сунул двугривенный в оттопыренный от конфет карман мальчика.

Подойдя к двери, Джавад обернулся, смущённо спросил:

– Слюшай, как тебя звать?

– Товарищ Олег, – с улыбкой ответил хозяин.

– До свидания, товарищ Олег.

– Желаю успеха, товарищ Джавадхан.

Вечерело... Манаф ожидал брата, стоя у порога мастерской.

– Всё благополучно? – спросил Манаф, увидев Джавада.

– Слава Аллаху, – ответил мальчик.

Войдя вслед за Джавадом в дом, Манаф плотно прикрыл дверь. Мальчик поставил корзину на пол, не спеша вынул из кармана конфеты, сверху положил монету.

– Это тоже он дал. Не брал, отказывался, насильно заставил взять.

– Поблагодарил?

– Конечно. Сказал «большой испасибо». И обувь снял у порога. Всё у него рассмотрел.

Наверное, он князь.

– Никакой он не князь, просто инженер, – пояснил Манаф.

– А что значит инженер?

– Не знаю, но что-то подобное учёному человеку.

– Он сказал, что его зовут товарищ Олег.

– А ты что, спрашивал?

– Да, но только после того, как он спросил моё имя и стал шутить, называя меня ханом.

– Ну и говорун же ты. Раздуй лучше угли в горне да принеси горсть муки.

Манаф взял консервную банку, налил в неё воды, вскипятил на углях, затем стал сыпать муку, помешивая деревянной палочкой.

– Что это за ккурч¹?

– Это не ккурч, а клей. На, поставь под верстак, пусть остынет.

Джавад взял горячую банку из рук брата.

– Сегодня не ложись рано спать, – предупредил старший, – в город вместе пойдём.

До прихода отца Джавад вскипятил чай, приготовил посуду, нарезал брынзы, хлеба.

Вскоре вернулся отец из мечети. Поужинав, Абакар лёг.

– Рано ещё, мы посидим у порога, – сказал Манаф, прикручивая лампу.

По вечерам у ворот домов засиживалась молодёжь. И на этот раз разошлись поздно. Манаф и Джавадхан поднялись последними. Тихо, чтобы не разбудить отца, вошли в мастерскую.

– Вдень пояс в ушко банки, да не разлей содержимое. Теперь туже опоясайся. Банка у правого бока, чтоб под рукой была. Эту пачку бумаг заложил за пазуху. Клей будешь наносить на все четыре уголка листика, – шёпотом приказывал Манаф.

Джавад молча повиновался брату. Замкнули дверь, вышли на улицу. Сердце мальчика громко стучало. Шагал он смело, стараясь не отстать.

– Я буду стоять поблизости. В случае появления человека предупрежу кашлем. Не торопись, не оглядываясь, уходи в сторону. Учти, случайные прохожие не страшны. А вот если полицейский вывернется откуда-нибудь, дело хуже. Тогда надо удирать волчьим галопом, как можно чаще сворачивая за углы и переулки. Я незаметно последую за тобой. Если же, не дай бог, попадёшься, говори – ничего не знаю. Мол, сидел на улице, подошёл человек, дал денег, потом всё это и сказал: если наклею на стенах и заборах, даст ещё рубль. Где живёт, кто он, не могу сказать. Ни слова больше, если даже будут бить.

¹ Ккурч – мучная каша.

– Если вовремя предупредишь, не попадусь. Меня никто из ребят не может догнать. Ноги лёгкие, как у зайца. Сам шайтан не догонит.

– Хвастовство не украшает мужчину...

Джавад умолк.

...Город был погружён в густую тьму. Тяжёлые облака заволокли небо. Лишь кое-где через щели ставен прорывались тусклые полоски света ночников. В бухтах и на судах с первых дней войны была утверждена светомаскировка.

– На этом углу! На этом фасаде! На этом заборе! – коротко бросал Манаф отрывистые фразы.

Джавад быстро подходил к указанному месту, держа наготове лист. Опускал указательный и средний пальцы в клей, смазывал уголки, приклеивал и спешил прочь.

Когда последний лист был наклеен, он подошёл к брату и сказал, облегчённо вздохнув: «Всё!» Манаф взял у него банку с клеем, одобрительно хлопнул по плечу.

Обратно шли молча, выбирая кратчайший путь к дому.

Тихо отперли дверь, вошли на цыпочках, разделись, легли. Быстро уснул Джавад. Манаф долго ворочался с боку на бок. Проснулся мальчик от толчка в плечо. Поднялся, сел, щурясь от солнечных лучей, проникавших в низкое оконце со двора. Протёр глаза, повернув голову, огляделся. Постели отца и Манафа были скатаны. Старший брат сидел, упираясь спиной о стену.

– Тоже мне помощник, нечего сказать...

Джавад вспомнил ночную прогулку. Недоумённо хлопая веками, спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Случиться не случилось, а поработали мы впустую.

– Как впустую?

– Да так, почти все листовки верхом вниз наклеил, задом наперёд, вкось, вкривь.

Джавад испуганно уставился на брата:

– Что же теперь делать?

– Ничего... Быть может, кто успел сорвать и прочесть, идя на работу. Полицейские же смеялись, мол, большевистский агитатор дёрнул малость для храбрости и лепил почём зря свои прокламации.

– Ходил туда? – чуть ли не сквозь слёзы спросил Джавад.

– А ты думаешь, мне приснилось?

Джавад виновато опустил голову. Манаф в душе обвинял себя. При чём тут мальчишка? Что можно требовать от безграмотного? Да в такой тьме и грамотный не разобрался бы. Надо было правильно сложить и рассказать, как определить лицевую сторону листовок.

– Зря не смазали верхнюю часть бумаг сажей, – как бы угадывая мысли брата, сказал Джавад. – В другой раз так надо делать...

– Что будем делать в другой раз, время покажет, а что касается тебя, то безотлагательно, с сегодняшнего дня начинай учиться читать по-русски. Достань букварь. Он лежит в сундуке.

Братья ежедневно к семи часам утра являлись в порт. Манаф с нетерпением ждал наряда на один из военных крейсеров.

– Хвала Аллаху, – сказал он тихо, когда, наконец, портовый чиновник вручил ему наряд с пропуском.

– Свёрток на месте? – спросил Манаф у Джавада. – Да.

Под двойным дном корзины оставалась вторая пачка листовок. Всех посторонних и матросов, поднимающихся на крейсер, тщательно обыскивали. Зная об этом, подходя к дневальным, Манаф вывернул карманы, поднял обе руки.

Ловким движением дежурный провёл руками от плеч до лодыжек. Джавад, поставив корзину на трап, тоже поднял руки. Дневальный склонился над корзиной, осторожно, двумя пальцами выложил паклю, тряпки, пошарил под инструментами.

– Проходите! – рукой указал в сторону камбуза.

Лудильщики направились к маленькому подсобному помещению, куда обычно выносились котлы и кухонная посуда, требующая полуды.

– Поставь корзину в котёл, залезай в него и начинай чистить. Я сейчас вернусь, – сказал Манаф и вышел.

Спустя несколько минут брат вернулся с человеком в белом колпаке и переднике. Это был повар. Они пересчитали посуду. Повар вышел, Манаф остался, подошёл к Джаваду, наклонился и шепнул:

– Подойдёт матрос, скажет «Аббас», ему отдашь пакет.

Джавад кивнул. Манаф вновь удалился.

Мальчик ждал, с нетерпением глядя на дверь. Вдруг раздался скрип с противоположной стороны. Поднялась крышка какого-то лаза. Молодой матрос ловко выпрыгнул из него, с улыбкой подошёл к котлу, в котором сидел мальчик.

– Аббас, – услышал Джавад. Тут же вытащил пакет и подал матросу. Матрос исчез.

– Порядок? – спросил Манаф, входя.

– Да.

Засучив рукава, оба принялись за работу.

Шли дни... Со временем Джавад сделался незаменимым помощником брата. Делал он это, слепо повинаясь воле старшего. Расклеивать прокламации, разбрасывать листовки теперь ходил один, как «резвый» большевистский агитатор, и был вне подозрений. Роль свою в непонятном деле считал пустячной и сожалел, что ни разу не погнался за ним полицейский. Ему хотелось опасного поручения, где бы смог показать свою храбрость. Однажды, когда чуть не попался на военном корабле во время передачи пакета, перепугался насмерть.

Дело было так: пришли по очередному наряду на крейсер. Манаф велел передать пакет человеку, который скажет «Ассалам». В ожидании того Джавад сидел в котле, прислушиваясь к шагам. Вскоре дверь запахнулась. Вошёл человек в форме мичмана. Осмотрел помещение, подошёл к котлу, увидел Джавада. Джавад в свою очередь глянул, ожидая условного «Ассалам».

– Салам алейкум! – воскликнул вошедший.

Джавад сунул было руку в корзину, но тут же отдёргнул, словно ужаленный. Пароль не тот, вместо «Ассалам» «Салам алейкум».

Мальчик поднял голову, посмотрел в глаза мичмана. В них была усмешка. Почувствовав на себе ещё чей-то пристальный взгляд, Джавад обернулся. У дверей стоял Манаф. Лицо его казалось необычно бледным. Джавад принялся чистить котёл. Ведь ничего не произошло...

Мичман заложил руки в карманы, смерил Манафа с ног до головы взглядом и через минуту удалился.

– Надо действовать осторожнее. Молодец! За это поведу тебя в цирк, – сказал Манаф, облегчённо вздохнув.

В Севастополь прибыли цирковые артисты и борцы. Город пестрел афишами. Толпы людей, особенно дети, собирались возле них, с любопытством разглядывая смешных клоунов, дрессированных животных, коричневых от загара мускулистых борцов. Располагался цирк на площади Шлагбаум.

– А вот наш земляк, – сказал Манаф, ткнув пальцем в портрет одного из борцов. Ровный пробор причёски на французский манер, лихо закрученные кверху усы. Большие добрые глаза.

– Рубин, – прочёл по складам Джавад. – Какой же он наш земляк?

– Это ложное имя, зовут его Али-Кылыч. Кумык, родом из Буглена.

– Кто его сделал борцом?

– Сила.

– А сколько наград! – Джавад стал считать медали, украшавшие широкую алую ленту, перетянувшую мощную грудь через плечо.

– Говорят, что некоторые из этих наград вручены самим царём, – добавил Манаф.

– Ты не знаком с Али-Кылычем?

– К сожалению, нет.

– Давай подойдем к нему, представимся как земляки.

– Смешной ты, ей-богу. На кой ему нужны какие-то лудильщики. Таких земляков у него в каждом городе сотни найдётся.

Джавад, опустив голову побрёл домой вслед за братом. Напоминание о бедности огорчало его. Но всё-таки в душе он был горд, что его соотечественник, дагестанец, такой замечательный силач. Он привёл своих дружков показать афишу с Али-Кылычем.

– Вот наш дагестанский, мусульманский борец!

– Да это же Рубин, – возразил Вовка.

– Рубин неправильно, верно Али-Кылыч.

– Да что ты носишься с каким-то Кылычем, вот Поддубный – это да, он твоего Кылыча мизинцем положит на обе лопатки.

Дело чуть не дошло до драки. Имя Поддубного запало в душу Джавада. И не потому, что о нём так много говорили, а потому, что считал его единственно опасным противником земляка Али-Кылыча. С необыкновенным усердием работал Джавад в тот день, когда Манаф сказал, что поведёт его в цирк, с нетерпением ждал вечера.

К концу работы он едва стоял на ногах от усталости, но до цирка готов был добраться хоть ползком. Собрались чуть ли не всем двором. Даже Спиридон Мартынович пошёл – только старый боцман билет себе взял в первый ряд.

– Мне надобно сидеть впереди, поскольку лично знаком с Иваном Максимовичем.

...Вовка, внук Спиридона Мартыновича, Сашка из соседнего двора, Джавад и Манаф сидели на галёрке. Ребята шумно делились впечатлениями. Джавад был потрясён зрелищем. Наконец арбитр громко воскликнул:

– Иван Поддубный!

Гром аплодисментов и восторженных возгласов потряс купол цирка. Гигант с широкой муаровой лентой через плечо, густо увешанный наградами, слегка согнувшись, втянув шею в плечи, с сильными руками, вышел на арену. Кивнув вежливо публике, удалился.

Вслед за ним представили других борцов, в том числе и Али-Кылыча. В крайнем напряжении, с замирающим сердцем смотрел Джавад, боясь, что Али-Кылыч выйдет бороться с Поддубным и будет побеждён. Пусть это случится когда угодно, но только не сегодня, думал он.

Джавад светился от радости, когда Али-Кылыч вышел на арену со Стыцурой. Подавшись вперёд, затаив дыхание, следил за борьбой двух силачей. Губы, брови, рот, каждый мускул лица мальчика были в непрерывном движении. То громко ахал он в испуге, то облегчённо вздыхал. Поражение земляка для него было бы личным поражением, и потому так глубоко переживал, но, к счастью Джавада, Али-Кылыч победил своего противника.

Джавад ликовал, подпрыгивая на скамье. Папаха его не раз взлетала в воздух.

– Может быть, ты выйдешь и поздравитесь дагестанца? – предложил Вовка.

– Нет, я маленький человек, мне нельзя.

Но для Джавада всё увиденное померкло в сравнении с тем, что случилось накануне закрытия цирка. В воскресный день, около полудня, словно гора, протиснулся кто-то в низкую, узкую дверь мастерской. Каково же было изумление мальчика, когда он увидел Али-Кылыча. С возгласом «Ваалейкум салам» шагнул навстречу гостю Абакар, за ним Манаф. Джавад не

мог двинуться с места. Не сон ли это? Борец и ему протянул огромную ладонь, в которой, как пойманная птичка, затрепетала рука Джавада.

– Проходи, кунак, проходи сюда, в жилую половину.

Гость последовал за стариком, сел на пол рядом.

– Какими судьбами? – спросил Абакар.

– Боролся в цирке, – пробасил Али-Кылыч.

Джаваду хотелось побежать на улицу, сообщить Вовке, Сашке – пусть узнают, какие мы люди, хоть в подвале живём, зато кунаки важные заходят. Он кинулся к двери, но у порога остановил его Манаф:

– Быстро к татарину Хамзе! Вот деньги, пусть хоть из-под земли достанет фунтов десять баранины.

– Десять фунтов?

– Да, да, быстро, одна нога там, другая здесь.

Вихрем помчался Джавад, но всё же успел по дороге сообщить друзьям о чрезвычайном событии в доме. Не прошло и часа, как традиционный дагестанский хинкал с чесночной приправой дымился перед гостем.

– Райское блюдо! Весь свет объездил, ничего вкуснее хинкала не едал, – говорил борец, с аппетитом отправляя в рот пельмени с бараньим мясом.

– Приходи чаще, сварить недолго, – сказал Манаф.

– Спасибо! Не смогу, уезжаю завтра.

– Надо было раньше прийти.

– Не думал, что здесь земляки найдутся. Нужда пришла, заставила искать.

– Нужда? – удивился Джавад.

– Случилось что? – осторожно спросил Абакар.

– Да, маленькая неприятность. Без копейки остался. Вчера получили расчёт, выпили немного, а вечером втянули меня в картёжную игру.

– Кто? – спросил старик.

– Циркачи. Не играл никогда, не люблю, затагнули. – Али-Кылыч вынул из кармана платок, вытер пот с лица и повторил: – Втянули, дали пару раз выиграть, а потом накрыли на всё, что имел. Обругал я их, плюнул, ушёл. Даже на билет не осталось. Просить у них не стал, пойду, думаю, поищу своих, займу. Пусть не думают, что последние забрали.

Джавад не верил своим ушам. Такой человек – и вдруг пришёл деньги занимать... Какие сложные, непонятные дела творятся в жизни. Али-Кылыч продолжал:

– Вот и побрёл по Севастополю, хорошо, догадался отойти в сторону от базара. Как увидел самовар, выставленный у двери, обрадовался, это, думаю, свои, и не ошибся.

– Да, случается такое. На чужой стороне без денег что без рук, – сокрушался Абакар.

– Может, дадите займы червонца три-четыре, если найдётся у вас? – неуверенно произнёс знаменитый борец.

– Почему же, деньги найдутся, – ответил старик и, обратившись к Манафу, сказал: – Достань пять золотых.

Манаф отомкнул сундучок, вынул пять золотых монет, передал отцу. Абакар щедрым жестом имущего кинул пятьдесят рублей золотом на скатерть перед гостем.

Али-Кылыч не знал, что в этих пяти монетах заключалось всё состояние лудильщиков. Он с благодарностью взял их, записал адрес в блокноте, пообещав выслать из Питера при первой возможности.

Когда Али-Кылыч выходил, у порога мастерской стояла целая толпа мальчишек. Борец поздоровался с ними, кое-кого похлопал по плечу. Хозяева проводили гостя до угла дома. Весь вечер только и было разговоров, что о необычайном госте. Джавад торжествовал, но в душе его

остался какой-то осадок горечи. Конечно, он не сказал друзьям о том, что известного борца нужда привела к ним.

Долго ждали перевода из российской столицы, каждый день выходили встречать почтальона, но так и не дождались долга.

– Папа, он просил у тебя три червонца или четыре, зачем же ты ему пять отдал? – спрашивал Джавад.

– Сынок, нельзя, чтобы просящий усомнился в том, что ты отдаёшь от души.

– А ты не жалеешь?

– Нет.

– А если долг он не пришлёт?

– Ничего не поделаешь. Всё зависит от воли Аллаха. Запомни, доброе деяние, помощь, оказанная в трудную минуту нуждающемуся, когда-нибудь да и обернется заслоном беде.

Однажды Джавад по поручению брата отправился к товарищу Олегу. Это было ранней весной. Без корзины и, не по обыкновению, чисто одет. Ему было поручено взять несколько писем, их легко спрятать под распоротой подкладкой папахи. Постучал в парадную дверь, снял обувь. Товарищ Олег долго не выходил из своего кабинета, откуда доносилось отрывистое постукивание пишущей машинки. Распахнулась дверь, ведущая на веранду. В комнату вбежала девочка в коротком розовом платье, с большим бантом на белокурых локонах. Ей было лет шесть-семь. Быстрым взглядом она окинула комнату, хотела открыть дверь в кабинет отца, но, увидев Джавада, с улыбкой остановилась. Джавад тоже невольно улыбнулся, хотя был ошеломлён кукольной красотой девочки. Приложив пальчик к губам, она на цыпочках подошла к гостю, присела перед ним на корточки.

– А я знаю, как тебя зовут.

– Как?

– Не скажу. Ты вовсе не чумазый и, папа сказал, отлично воспитанный парень...

«Откуда она меня знает? Её я никогда не видел», – подумал Джавад.

– Ты кто?

– Алёнка.

– Где живёшь?

– Здесь.

– А где твой папа?

– Там. – Девочка показала на дверь кабинета. – Глаза у тебя большие, чёрные, басурманские, – малышка разглядывала лицо Джавада, – и носик хороший.

Алёнка хотела дотронуться до кончика его носа, но Джавад, оскалив зубы, нарочно лягнул ими. Девочка, вскрикнув, рассмеялась. Весело стало и Джаваду. Распахнулась дверь, на пороге стоял хозяин.

– Лена, сколько раз предупреждал тебя, что, когда приходят гости, заходить сюда нельзя!

Девочка бросилась к отцу:

– Папочка, прости меня!

– Иди. Чтобы этого больше не повторилось.

Надув губы, искоса глянув на Джавада, девочка вышла.

– Молодой человек, ещё пять минут, и я тебя отпущу.

«Молодой человек» теперь готов был сидеть здесь хоть до вечера. Впервые его мальчишескую душу тронуло непонятное тёплое чувство...

Одним из захватывающих событий, взволновавших Севастополь, стал приезд царской семьи. Тысячи горожан, чиновников и военнотружеников загрохотали улицы, по которой ехали автомобили, вёзшие царя и его приближённых. Спиридон Мартынович, имевший опыт в таких

делах, посоветовал Вовке, Джаваду и Сашке бежать к Графской пристани, где стояли царские яхты «Штандарт» и «Алмаз». На возвышенности, которая амфитеатром поднимается от пристани, велел ребятам занять места поудобнее, дабы лучше рассмотреть правителя России – Николая II.

– Дедушка Спиридон сказал, что наследника царя зовут Алексеем, великих княгинь четыре – Анастасия, Татьяна, Ольга, Мария, – загибая пальцы, пересчитал Вовка.

Моряки, солдаты, полиция оцепили улицы и пристань. Никого близко не подпускали. Плавно подкатили автомобили к пристани. Мальчишки буквально вцепились глазами в именитых пассажиров. Кто-то крикнул:

– Царь-батюшка с наследником во второй машине.

Люди в офицерских мундирах подскочили к машине государя, распахнули дверцы. Царь легко поднялся с сиденья, повернулся лицом к машине. Джавад разглядывал его с удивлением. Неужели он и есть царь? Всегда думал, что правитель России появится в короне, усеянной бриллиантами, в золототканой одежде, величественный, грозный. А тут небольшой человек, короткая рыжая бородка, бледный лоб.

К машине, из которой вышел царь, направился моряк огромного роста, поднял на руки бледнолицего мальчика.

– Наследник Алексей, – зашептали в толпе.

Царь в сопровождении нескольких генералов, адмиралов и моряка с наследником на руках направился к роскошной яхте «Штандарт».

Царская свита помогла выйти царице. Одетые в длинные белые шелковые платья, с белыми кружевными зонтиками, четыре дочери царя голубками выпорхнули из машины. Весело улыбаясь, великие княгини раскланивались с публикой. Джаваду казались они необыкновенно красивыми, похожими друг на друга, только роста разного.

На трапе и палубе яхты были разостланы пёстрые ковры. Дочери царя, чуть приподняв подолы платьев, тоже направились к яхте. Впереди них, в широкополой шляпе, важно, как гусыня, шествовала царица.

Джавад не слышал ни громких возгласов приветствий, ни звуков духового оркестра. Он смотрел, смотрел на людей иного мира, загадочного, непонятного.

– Остались, значит, ночевать на «Штандарте», – говорил Спиридон Мартынович вечером, сидя у калитки. – А Гришки, значит, с ними не было?

– Какого Гришки? – полюбопытствовал Джавад.

– Мужичонки, Распутина.

– Мужичка, дедушка, не было, из простых был только один моряк, большой такой, сына царя нёс.

– Как же это они Гришку с собой не взяли? – не унимался старик.

– А кто такой Гришка? – недоумевал Джавад.

– Мужик в лаптях, с бородой, святой старец. – Боцман хитро улыбнулся и добавил: – Советчик и помощник её величества. – Но ничего, – продолжал он бормотать, – мужик-лапотник до трона добрался, доказывает, значит, что править может и чернь. Царь только его и немку-царицу слушает. Раз она немка, душа не будет болеть за русский народ. Его величеству надобно не здесь быть, а там, где сражаются армии. Настоящие правители и вожди сами должны быть впереди, коли хотят победы...

Послушал Джавад речи подвыпившего хозяина и понял, что недоволен Спиридон Мартынович царём своим. Придя домой, он рассказал отцу о том, что говорил хозяин о царе.

– Мало ли что можно наговорить, когда языком управляет не разум, а дьявол. Правитель всегда нужен государству, как семье хозяин. Не станет хозяина – порядка не будет, а без порядка жизни не будет. Плохо, когда каждый сам себе хозяин.

– Ты думаешь, отец, что весь порядок от царя? – спросил Манаф, приподнявшись с подушки.

– Не нам, беднякам, об этом судить.

Манаф сдержал себя, он знал, что отец не любит, когда ему возражают, он ведь глава семьи.

Больной Абакар слёг и почти не поднимался. Чаще приходилось оставаться Джаваду дома для ухода за отцом. Старик страдал болезнью сердца. Процесс осложнился водянкой живота. Бледный, с синюшными губами, задыхаясь при малейших усилиях, едва передвигался он по комнате. Манаф хотел было увезти больного в аул, но врачи не порекомендовали, – слишком плох, не вынесет дороги, сказали они.

Да и сам старик в надежде, что ему помогут лекари, не стремился в горы.

– Что там делать? Разве только ехать умирать возле могил предков, – вздыхая, говорил он.

– Не умрёшь, папа, доктор сказал, что обязательно поправишься, – успокаивал Джавад.

– Если на то будет воля Божья. Не хочется уходить, мало погостил на свете, тебя на ноги не поставил, Манафа не женил...

– Обо мне не думай, я уже мастеровой, не пропаду, тебя бы поднять.

– Здесь можно выздороветь, лечат, стараются врачи, пошли Аллах им благополучие! А там, не только в нашем ауле, в Кумухе даже фельдшера нет. Если же придёт неизбежное, отдам душу Владыке. Найдётся и мне место на мусульманском кладбище. Не всё ли равно, откуда явиться на суд Всевышнего...

Наступила зима шестнадцатого года. Тревожное затишье царило в городе. Печальные вести шли с фронтов. Немцы продолжали наступать.

В середине зимы усиленным сопротивлением русской армии удалось приковать германцев к своим позициям. После беспримерного по героизму штурма русские войска взяли перwokлассную турецкую крепость Эрзерум.

План наступательных операций немцев в направлении Рига – Кале – Двинск – Киев – Минск оставался только на помеченных флажками и стрелами военных картах. Турецкая армия несла потери на Кавказском фронте. Об этом говорилось много, громко, чтобы заглушить то неизбежное, что, достигнув высшей степени брожения, через все щели подполий и преград, поднималось внутри Российской империи.

Это брожение невозможно было отвлечь военными действиями. Этому не могли воспрепятствовать самодержцы и союзники.

– Абакар, друг мой, крепись, скоро шабаш войне. Идём в наступление. Наш Черноморский флот обстрелял турецкие батареи, расположенные у Трапезунда, и потопил двадцать шесть судов противника, нагруженных провиантом и каменным углём. Нет, Россию-матушку за шкуру взять нелегко. Выпил, ей-ей выпил, за помин души павших за Родину.

Голос Спиридона Мартыновича, зашедшего проведать больного, доходил до Абакара глухо, как будто из подземелья. Он с трудом открыл глаза, глянул на доброго хозяина, принёсшего радостную весть, и закрыл снова. Спиридон Мартынович покачал скорбно головой, смахнул незаметно слезу и ушёл.

Манаф с Джавадом молча проводили вечера у постели больного. Они знали, что скоро конец, хотя где-то в глубине души теплилась слабая надежда на выздоровление отца.

– Сыновья мои, проснитесь, я чувствую, тень Азраила² стала у изголовья, – проснувшись однажды ночью, проговорил старик.

² Азраил – ангел смерти.

Первым поднялся Джавад, спавший рядом, на тахте.

– Отец, ты что-то сказал?

– Сынок, я сказал, что настал мой час, умираю.

– Манаф! – не своим голосом крикнул Джавад.

Испуганный Манаф вскочил на ноги:

– Ты что?

– Отец умирает.

– Дети мои, не поднимайте шума, спокойно учитеcь переносить то, что неизбежно. Джавад, садись рядом, прочти мне ясин³.

Глотая слёзы, мальчишка опустилcя на колени у постели. Голос его прерывалcя, дрожал. Он читал всё громче и громче, стараясь заглушить страх, боль, смятение. Упираясь локтями в колени, держась руками за голову, с сознанием полной беспомощности, сидел Манаф.

– Дети мои, будьте людьми, чтобы никто, никогда не посмел недобрым словом помянуть того, чьей плотью и кровью вы были. А ты, старший, не отходи от религии, посещай мечеть, молись – в вере спасение. Меня похорони соблюдая все обряды. На поминки барана зарежь, милостыню раздай больным и бедным.

Наказ отца был неслучайным. Манаф всё реже и реже посещал мечеть. Молясь, не проявлял усердия.

– Всё сделаю, отец, всё.

– Знаю, что сделаешь. Сразу дайте знать матери. Когда станет тепло, поезжайте домой, успокойте ее.

– Поедем, отец.

Старик стал задыхаться. Вскоре он начал громко зевать, словно не спал много ночей, затем впал в беспамятство. Только правая рука поднималась к лицу, слабые дрожащие пальцы приглаживали усы, бороду. Затем руки беспомощно упали на грудь, из полуоткрытого рта после короткого хрипа вырвался последний вздох...

Манаф покрыл отца куском бязи с головой, поставил поближе к Джаваду коптилку.

– Возьми Коран, читай.

Джавад читал, не слыша своего голоса. И с ужасом думал о том, что похоронить отца будет некому. Ну что могут сделать соседские мальчишки и старый хозяин, который сам едва держится на ногах? Сожалел, что не могут отвезти его в аул. «Похоронить, соблюдая все мусульманские обряды...» – повторял он последнюю просьбу отца. Да, они постараются исполнить его последнюю волю.

Как только рассветёт, раздумывал Джавад, надо сразу сбегать в мечеть, сообщить знакомым татарам, чтобы пришли обмыть, завернуть в саван. Материю для савана отец ещё задолго до смерти сам купил для себя.

Строгий голос брата вновь заставлял мальчика наклоняться над Священной книгой пророка. И он читал, читал до утра.

Опасения Джавада по поводу того, что некому будет хоронить их бедного отца, были напрасны. С раннего утра белобородые татары, русские рабочие, матросы стали заполнять комнату, затем двор.

Джавад был удивлён, увидев среди пришедших товарища Олега. Мальчик подошёл к нему, благодарно пожал руку. Откуда все они узнали о случившейся беде?

Воля покойного была исполнена. Абакара похоронили в тот же день на татарском кладбище с соблюдением всех мусульманских обрядов.

³ Ясин – заупокойная молитва.

Молчаливым, задумчивым стал Манаф. Он почти не работал в мастерской. Придя домой после работы в порту, уходил и возвращался поздно ночью. В одиночестве нередко томила Джавада тоска по родному аулу.

– Брат, наступила весна, когда же мы поедem домой? – спрашивал он часто у Манафа.

– Скоро, когда меня отпустят товарищи.

Джавад понимал, что брат его нужен городским товарищам для осуществления тайной связи с моряками. Часто думал о матери. Манаф послал ей телеграмму и деньги. Ответа не было. Не до ответа, наверное. Не подорвала бы недобрая весть силы старухи, опасался Джавад.

С каждым днём труднее становилось с хлебом. Иногда часами простаивал мальчик в очереди у частной пекарни. Ещё труднее было с мясом. Выручала рыба. Самым оживлённым местом был теперь рыбный базар, расположенный недалеко от бухты Жемчужной.

– Джавад, царь отрёкся от престола! – закричал Вовка, вбегая в мастерскую.

– Что такое «отрёкся»?

– Понимаешь, не хочет больше быть царём.

– Вах! Почему?

– Дедушка Спиридон говорит, не может царь править народом, не умный, а потому злой. Воевать не умеет, не хотят люди ему подчиняться.

Джавад вспомнил небольшого роста человека в офицерском мундире, с неподвижным, бледным лицом, рыжей бородкой.

– Вовка, а ты хотел бы быть царём? – спросил Джавад.

– Конечно, хотел бы, плохо, что ли? Конфеты целый день есть.

Ребята выбежали на улицу. Смешавшись с толпой, они дошли до площади. Здесь в центре толпы стоял человек. Энергично размахивая рукой, он громко и горячо говорил. Стёкла пенсне ярко поблескивали на солнце. Джавад узнал товарища Олега. Закончив речь, он соскочил на землю. Вслед за ним на «трибуну» забрался среднего роста плечистый матрос. На поясе у него висела деревянная кобура маузера.

– Назукин, Назукин, – прошелестело в толпе.

– Граждане! Дорогие товарищи! Братья матросы! Только советская власть может дать нам истинную свободу, равенство, землю крестьянам, фабрики и заводы рабочим. Ни царь, ни Временное правительство...

Джавад не слушал оратора. Он искал глазами брата среди тех, что стояли возле сложенной наспех трибуны. И увидел его. Манаф был рядом с портовым грузчиком Василием и товарищем Олегом...

– Вот теперь мы можем собираться в дорогу, – сказал Манаф, с радостным лицом вбегая в мастерскую. – Через день будем в поезде.

Манаф, приподняв ночью одну из досок пола, стал доставать винтовки, пистолеты разных систем, ручные гранаты. Глянув на изумлённое лицо Джавада, он, приложив палец к губам, стал аккуратно заворачивать оружие в бельё, одежду, тряпки, газеты и всё это укладывал на одеяло, матрацы, заворачивал, потом туго обвязывал верёвками.

– Время ещё тревожное, в пути всё может случиться. Ты поедешь в отдельном купе. Эти вещи внесёт Василий. Помнишь портового грузчика?

– Помню.

– Он положит их на багажную полку и скажет: «Мальчик, взбирайся наверх, чего тебе толкаться под ногами?» Залезай и не сходи без надобности, пока не доедем. Я буду рядом. Если начнётся обыск, ты скажи: «Не моё», а лучше всего притворяйся спящим. По закону спящих в вагоне детей не должны будить. Ты меня понял?

– Разве это всё не твоё?

– Моё, но на Кубани беспокойно, у всех отбирают оружие.

...Провожать кавказцев на вокзал пришли дружки Джавада, Спиридон Мартынович и друзья Манафа. Товарища Олега не было, его срочно вызвали в Северную столицу – так объяснил Манаф.

Прощаясь, Спиридон Мартынович и Вовка прослезились.

– Возвращайся быстрее, – кричали мальчишки, когда Джавад протискивался в набитый людьми вагон.

Грузчик Василий был в купе. Без напряжения подняв тяжёлый груз, сложил его на верхней полке.

– Слушай, пацан, чего тебе вертеться под ногами, полезай наверх и ложись, а я там с дружками буду сидеть, в картишки поиграю.

Джавад только и ждал этого. Василий кинул хурджины Джавада на вещи. Мальчик быстро забрался, с удовольствием растянулся на опасном грузе. Манаф прошёл в соседнее купе.

Наконец звякнул вокзальный колокол, дежурный дал свисток, паровоз загудел и тронулся. День, ночь и снова день шёл поезд, останавливаясь и трогаясь с такими толчками, что Джавад едва удерживался, чтобы не слететь вниз. Но его не столько пугало падение, как страх за то, что какое-нибудь оружие или «бомба» (так он назвал гранату-лимонку) может вдруг разорваться.

«Как это я не догадался спросить Манафа, может это случиться или нет? Но он же мне родной брат, не положил бы такой груз, если бы была опасность», – успокаивал Джавад сам себя.

Наступила вторая ночь. Мерно стучали колёса вагона. Джавад проснулся от шума шагов, говора. Приоткрыв глаза, посмотрел вниз.

– Граждане, куда едете, что везёте? – Луч карманного фонаря скользнул по вещам, полусонным лицам пассажиров.

Послышался скрип раскрываемых чемоданов, сундучков.

– А ты что зеваешь? Показывай, что в мешке.

В груди, в ушах, в голове Джавада застучало. С каждой минутой эти стуки становились чаще и сильнее. Закрыв глаза, он старался не шевелиться и громче сопеть.

Луч карманного фонаря ударил в лицо.

– Эй ты, парень! – Кто-то дёрнул его за ступню.

Подтянув ногу, Джавад издал невнятное мычание, словно сквозь сон, и продолжал посапывать.

– Чей мальчишка?

– Не знаем, татарчонок, видать, – сказал кто-то из пассажиров.

– Проверить бы надо, что за тюки под ним...

Услышав эти слова, Джавад похолодел от страха. В уме он повторял слова: «Не знаю, эта не моя. Один дядя положил, мой вот хурджин».

– Оставь, – сказал второй голос, – что он может везти, шмотки какие-нибудь.

– Чёрт с ним, пусть спит.

Люди в форме открыли соседнее купе. Джавада бросило в жар...

Наконец Кубань. У вокзала станицы Уманской поезд стоит несколько минут. Сошли быстро, один из пассажиров помог снять вещи. Наняли подводу, отыскали дом, где жил двоюродный брат Дауд с женой и двумя детьми. Дауд в станице Уманской портняжил давно. Здесь у него была пошивочная мастерская, где шил он черкески, брюки галифе, папахи. Привозил с гор для продажи андийские бурки, до которых кубанские казаки были большие охотники.

Дауд очень обрадовался приезду родственников. Но когда узнал, что Манаф везёт оружие в горы, забеспокоился.

– Напрасно с этим делом связался, у нас беспокойно, власть каждый день меняется, ложимся спать, и не знаем, каких правителей Бог пошлёт завтра, обыски – каждый божий день.

– Потому и надо убираться поскорее отсюда, – сказал Манаф и спросил: – Моё письмо получил?

– Да. Можно сказать, мы готовы в путь.

В тот же день Манаф отправился на станцию. Ему удалось договориться с начальником, который обещал за определённую сумму предоставить товарный вагон. На другой день к вечеру погрузились с семьёй, со скарбом... Начальник сам запер вагон на огромный замок, ключ бросил в маленькое оконце пассажирам.

Путь, который можно было преодолеть за двое суток, тянулся неделю. Вагон то отцепляли, загоня в тупик, то прицепляли опять к какому-нибудь товарняку, простаивали ночь, а то и сутки.

Но вот проехали Грозный, Гудермес. На душе полегчало, когда миновали полустанки Хасавюрт, Чирюрт. Ещё одну ночь простояли в Шамхале, и наконец поезд благополучно прибыл в Темир-Хан-Шуру.

Глава вторая

Темир-Хан-Шура – захолустный губернский городок в Дагестане. Расположен среди отлогих возвышенностей в котловине. На северо-западе, у края обрывистых нагорий, над речушкой Шура-Озень стоят красные кирпичные здания – северные казармы. Рядом белый одноэтажный дом с колоннами у парадного подъезда – резиденция губернатора. Ряд казарменных зданий высится на юго-восточных плоскогорьях. На полпути от тех и других казарм, утопая в зелени акаций, раскинулся городок. Разделённые узкими улочками, тесно лепятся друг к другу кирпичные дома под железной кровлей, саманные домики. На южной окраине глинобитные домишки с плоскими крышами.

Центральная улица – Аргутинская. Начинаясь от губернаторского дома, она тянется чуть ли не до южных казарм. В центре города улица образует площадь, посередине которой высится церковь. В районе площади и на Аргутинской находятся дома местной знати, административные учреждения, реальное училище, театр.

На восточной окраине города расположен вокзал. Отсюда берёт начало Вокзальная улица, что тянется до Церковной площади. Первая улица, пересекающая Вокзальную, – Дербентская. Здесь расположены постоянные дворы, небольшие домишки, жестяные, лудильные, шорные мастерские. Тут же недалеко Базарная площадь с длинными рядами мелких лавчонок и огромным, мрачным зданием пассажа, складские помещения, чайные, духанчики. Лавчонки кустарей-ремесленников тянутся и на прилегающих к базару улочках.

От города радиально расходятся крупные и мелкие дороги в разные стороны. В базарные дни по дорогам и тропам пешие, верхом и на скрипучих арбах спешат на базар толпы разноплеменного люда из окрестных и дальних аулов.

Оставив в вагоне семью и Джавада, Манаф и Дауд отправились в город подыскивать квартиру. Очувтившись на знакомой Дербентской улице, Манаф решил заглянуть в первую попавшуюся жестяную мастерскую. Каково было его изумление и радость, когда он увидел старых друзей – Гаджи-Магому с Абдуллой. Они тоже были не менее обрадованы. Когда Манаф сообщил Гаджи-Магоме о смерти отца, старик, сложив ладони у лица, прочёл заупокойную молитву.

Невзирая ни на какие просьбы и уговоры, старый жестянщик не отпустил гостей. Пока он угощал кунаков чаем, Абдулла обегал соседние постоянные дворы и домовладельцев. Скоро он вернулся и сообщил, что недалеко, в доме лакца Сулеймана-Хаджи, на втором этаже сдаются две комнаты.

Гаджи-Магома сам повёл кунаков в мануфактурную лавку, где чаще всего бывал хозяин дома. Сулейман-Хаджи оказался на месте. Он отдавал какие-то распоряжения приказчику. Когда вошли посетители, хозяин повернулся к ним. Это был высокий, ещё не старый человек, в тёмной одежде, в чёрной папахе, повязанной белой чалмой. Он сухо ответил на приветствие вошедших. Манафа поразило белое, каменное лицо с тёмными, как глубокий омут, холодными глазами. Тонкие губы с плотно стиснутыми зубами окаймляли выкрашенные хной жёсткие усы и бородка. Сурово сдвинутые чёрные брови сходились у переносицы.

С каким-то тупым самодовольством цедил он сквозь зубы скупые слова. Прежде чем вести в дом, Сулейман-Хаджи с ног до головы измерил критическим взглядом квартиросъёмщиков, спросил о численности семьи, возрасте детей и лишь после этого повёл показывать квартиру.

Дом Сулеймана-Хаджи занимал чуть ли не полквартила. Это было двухэтажное кирпичное здание. Двадцать больших комнат на втором этаже, пятнадцать на первом, не считая подсобных помещений и лавок. Большая застеклённая веранда квадратом охватывала небольшой

мощённый крупными каменными плитами двор. Хозяин с семьёй и состоятельные квартиросъёмщики занимали комнаты на втором этаже.

В помещениях первого этажа ютились бедные, многодетные семьи татов. Домом управляла властолюбивая старуха – мать хозяина Хаджи-Катун. На зов сына она вышла в чёрной кашемировой шали, сверх которой вокруг головы была обвязана белая материя, – знак паломничества к святыням ислама в Мекку. Из большой связки ключей, висевших на поясе, выбрала нужный, отвязала, отперла дверь. Как удивительно похожи мать и сын, подумал Манаф. Старуха первая перешагнула через порог и стала с видом человека, знающего цену своим владениям. Просторные комнаты, высокие потолки, большие окна понравились Дауду.

– Я согласен, – сказал он и протянул хозяину авансом требуемую квартплату. Сын передал деньги матери.

Когда они ушли, Манаф сказал:

– Эта старуха не Хаджи-Катун, а Шайтан-ханум, а сын её настоящий Аглархан.

Гаджи-Магома с сыном помогли Дауду перевезти семью. Тюки Манафа сложили у себя. Устроив семью, Дауд решил с Манафом и Джавадом съездить в родной аул и вернуться через неделю.

Помещение для пошивочной мастерской Дауд подобрал в лавочном ряду, на улице Вокзальной, напротив своей квартиры.

Гаджи-Магома предложил Манафу использовать часть просторного помещения своей мастерской под лудильную и в том же доме, где жил сам, нанял комнату для Манафа. Джавад думал, что и на его родине с установлением народной власти наступит мир. Земли, пастбища отберут, раздадут бедным людям поровну, и не нужно будет его старшему брату скрытно заниматься рискованными делами. Но в первый же день приезда он был огорчён хабарами Гаджи-Магомы. Они были неутешительные.

– Неспокойно у нас, – рассказывал старый рабочий, – местные богатеи не хотят слышать о советской власти. Не отдадут пододру свои владения, не уступят власть. «Мы не должны быть подвластны каким бы то ни было правителям и законам страны неверных. Мы мусульмане, для нас пророком утверждены законы шариата», – говорят они. После отречения царя возникли милли-комитеты, которые решили взять на учёт земли, леса, зимние пастбища и сдавать их в аренду нуждающимся, сократив права владельцев. А те, что идут против шариата, требуют насильственным путём передавать всё богатство народу, отобрав его у владельцев. Вот уже скоро год, как продолжаются споры между сторонниками народной власти и шариатистами. Одни и другие устраивают сборища людей, проповедуют свои убеждения, призывая идти по пути, избранному согласно пониманию цели.

– Отец, а тебе известны имена тех, кто призывает к народовластию? – спросил как-то Манаф.

– Много их, и мусульман, и русских. Своих знаю поимённо и с какого племени, рода могу сказать. Вижу часто, типография рядом, одни заходят, другие там работают.

– А кто же главный среди них?

– Не поймёшь, вроде по-своему каждый главен и учён, а там Аллах их знает.

– А ты, отец мой, кого больше знаешь?

– Махача знаю, аварец он, сын Дахада из Унцукуля.

– Учёный?

– Да, в России учился строить железные дороги. В царском городе жил, там женился на внучке Шамиля, что от Магомеда-Шафи рождена.

– А что он делает сейчас в Шуре?

– Заводик у него здесь маленький, кинжалы изготавливают, но последнее время забросил его. Занимается формированием революционных отрядов.

- Молодой?
- Не стар, умён и храбр.
- Ещё кого знаешь?

– Уллубия знаю, местный кумык из Уллу-Бойнака. Говорят, он здесь окончил реальное училище, после учился в русском городе, хотел стать законоведом. Учёбу не закончил. Есть и твой земляк – Саидов, их несколько братьев. Старший, Бадави, в канцелярии туринского генерал-губернатора служил, а младший, Гарун, сначала здесь в русской школе учился, позже в Россию уехал. Сюда вернулся недавно. Здесь в типографии работает, газету выпускает – «Илчи». Призывает народ к захвату казённых и частных земель, обвиняет шариатистов в избрании неверного пути. Непонятно получается – два брата от одной матери, от одного отца – один сторонник господства имущих, другой за равенство и свободу всех людей выступает.

Многое узнали Манаф и Джавад в первый вечер приезда в Шуру. Старый жестянщик оказался в курсе всех событий, происходящих в городе. Безграмотный рабочий рассуждал о политике, высказывал свои мнения как убеждённый сторонник народной власти.

...Сразу же по возвращении из аула Манаф пошёл в типографию, познакомился с Гаруном Саидовым. Черноглазый, жизнерадостный, как сама молодость, Гарун пришёлся по душе Манафу.

Менее приветливо протянул молодому лудильщику руку оказавшийся в кабинете Саид Габиев. Сухощавый, невысокого роста Саид чисто говорил по-русски. Он горячо спорил о чём-то с Гаруном и наконец, хлопнув дверью, ушёл.

– Откуда он? – спросил Манаф у Гаруна.

– Из Кумуха, уздень. Родился в Сибири, учился в Петербурге, там первым начал издавать газету «Заря Дагестана».

– Родился в Сибири?

– Да, родители его вместе с другими горцами, восставшими в семьдесят седьмом году, были высланы из Кумуха. Помнишь песню? – Гарун тихо запел:

Что за пыль там на дороге,
Что за люди там идут?
Провожают их в тревоге,
Мол, погиб Кази-Кумух...

Кончив петь, Гарун задумался, затем сказал:

– Будь с нами, время горячее, опытные люди нужны. Большевистская фракция Порт-Петровского Совдепа по примеру питерцев недавно создала Военно-революционный комитет.

– Кого избрали председателем?

– Уллубия Буйнакского. Слыхал о нём?

– Да, немного.

– Большевик, отличный товарищ. Задача – создание красногвардейских отрядов, национализация фабрик, заводов, рыбных промыслов, конфискация помещичьих земель. Мобилизация сил, сбор средств для покупки оружия, агитация устами убеждённых людей.

– Севастопольские товарищи подарили мне оставленное ранее для хранения оружие. Я привёз его с собой. Часть из личного арсенала я могу выделить для вас.

– О, это будет замечательно. Мы вооружим всех большевиков, газетчиков и служащих типографии.

– Когда можно доставить?

– Друг мой, я сам забегу к тебе, скажу, когда и как это можно сделать.

Декабрьские холода. Серебристый иней покрыл голые ветви акаций. Длинные ночи траурной шалью окутывали притихший город. Короткие серые дни будили грусть.

Проходя как-то по улице, Манаф показал Джаваду угловой дом, полуторазэтажный фасад которого обращён на Аргутинскую улицу.

– Дом лакца Абиссинского.

– Почему Абиссинского, это же не мусульманская фамилия?

– Фамилия ему дана по названию далёкой страны, где жил он с отцом, братьями. Говорят, один из родственников достиг там чина министра монетного двора. А этот вернулся на родину, купил здесь дом.

Джавад с любопытством рассматривал большое одноэтажное здание, занимавшее целый квартал. Увидел, как из ближайшего парадного подъезда вышли два молодых человека. Один невысокого роста, в папахе, суконном пальто. Второй светлее и выше ростом, с тонкими чертами лица, в фуражке и студенческой шинели. Первый поздоровался с Манафом.

– Кто он? – спросил Джавад.

– Лакец Саид Габиев, в этом доме живёт.

– Второго не знаешь?

– Знаю, но незнаком с ним.

– Вспомни, на кого он похож? – спросил Джавад.

Глядя вслед уходящим, Манаф ответил:

– Не помню.

– На товарища Олега похож этот русский.

– Он кумык, Уллубием зовут, – пояснил Манаф.

– Кумык? – удивился Джавад.

– Кем он работает, учёный, наверное?

– Да, учёный, важные дела делает.

– Наверное, так.

Саид с Уллубием поднялись к Церковной площади и, свернув налево, направились к Вокзальной улице. Так вот он какой, Уллубий...

Недолго сживал Манаф и в шуринской мастерской. Как и в Севастополе, он то исчезал, не появляясь весь день, а то и по несколько дней подряд пропадал где-то. За Джавада был спокоен. Гаджи-Магома относился к нему так же, как к собственному сыну Абдулле.

Некоторые члены облисполкома, обеспокоенные переворотом в Петрограде и действиями большевиков в Порт-Петровске, для укрепления своего положения объявили на десятое января 1918 года созыв Третьего съезда дагестанских представителей. За несколько дней до начала съезда стало известно о том, что в Шуру движутся многочисленные отряды чалмоносцев во главе с новоявленным имамом Нажмутдином Гоцинским и шейхом Узуном-Хаджи.

На Дербентской улице, от которой начиналась дорога, ведущая в горы, было оживлённо. Несмотря на зимний холод, мастеровые и лавочники по несколько раз в день бегали к постоянным дворам, подходили к едущим на линейках, в скрипучих двухколёсных арбах, спрашивали, что слышно в горах, зачем идут аскеры Гоцинского в Шуру. Не мог усидеть и Гаджи-Магома в мастерской:

– Эй, курдаш⁴, ты из какого аула?

– Из Верхнего Казанища.

– Тогда проезжай, ты не можешь знать того, что происходит выше Казанища.

– Эй, кунак, счастливого пути, откуда едешь? – спрашивал Гаджи-Магома очередного путника.

– Из Кадара.

⁴ Курдаш – товарищ.

– Ты видел Нажмутдина из Гоцо с аскерами?
– Видел, в Дженгутае они.
– В Шуру собираются?
– А ты что, собираешься в гости звать его к себе? – ответил вопросом на вопрос весёлый верховой.

– А как же, барана приготовил, угощать буду.
– Потерпи малость, сегодня вечером доест в Дженгутае бычка, завтра до твоего барашка доберётся.

Старик возвращался в мастерскую, придвигал треножку к мангалу⁵, грел озябшие руки.

– Гости, значит, у зятя, – бормотал он.

– Кто? – спросил Джавад.

– Нажмутдин.

– Дочь за дженгутайцем?

– Нет, сестра.

– А ты знаешь Гоцинского?

– Как не знать соплеменника? Не только в Аварии, весь Дагестан знает его.

– Большой человек?

– Очень. Выше меня на две головы, а толще раз в десять.

– Сильный, значит? Расскажи о нём, – попросил Джавад.

– Расскажу, коли интересуешься. Человек может стать известным и влиятельным, если обладает большим умом или состоянием. Нажмутдин – человек богатый, учёный-арабист. Покойный отец мой был мюридом Шамиля. Он близко знал Доного-Магому, отца Нажмутдина. Рассказывал, что не отличался Доного-Магома мужеством, храбростью. Зато хитрости, коварства в нём было хоть отбавляй. Смелость его заключалась в заносчивости перед теми, кто стоял ниже. Угодничество перед возвышенными доходило до самоунижения. Обладая этими свойствами, честолюбцы и властолюбцы иногда достигают высокого положения. Достиг своей вершины и Доного-Магома.

Назначил непревзойдённый, доверчивый имам Шамиль его наибом в нашем обществе. Достигнув власти, Доного-Магома предал забвению законы шариата. А в те времена изустные законы наиба и хана имели силу большую, нежели царские или предписанные Кораном. Никто не мог противостоять безапелляционному суду местных владык. За правдой ходить было далеко. Вначале Доного-Магома делал вид, что служит верой и правдой великому имаму. Но когда звезда громкой славы и блестящих побед Шамиля стала клониться к закату, переменялся и Доного. А в критические дни, когда преданный печалю и молитвам вождь горцев устремился к последней твердыне – Гунибу, Доного не только предал его за ломаный грош царским властям, но и поднял оружие против того, кто дал ему власть и состояние. В награду за такое предательство Доного был назначен наибом округа. Бедный отец мой говорил: «Не пойдёт впрок богатство, облитое слезами и кровью ограбленных». Но Аллах миловал разбойника. Дожил Доного-Магома припеваючи до конца дней своих. Живёт сейчас сын его, пользуясь незаслуженной славой. Учили Нажмутдина в медресе. Оставил ему Доного в наследство тысячи голов скота, обширные пастбища, богатые кутаны.

Нажмутдин унаследовал от родителей властолюбие. Ещё до отречения российского пачи – царя от престола связался он через послов своих с турецким султаном, помощи у него просил, хотел захватить власть во всём Дагестане. У султана, видимо, были свои намерения, не помог Нажмутдину. Но всё-таки богатым не только Аллах, вся нечистая сила помогает. Какие бы ни происходили перемены во власти, избирают Нажмутдина в советники, возводят в чины, даже не видя его лица.

⁵ Мангал – самодельная маленькая печь, которую топят древесным углем.

Избрали его членом исполкома в Шуре. На большом совете кавказской знати во Владикавказе назначили его муфтием⁶ Северного Кавказа и Дагестана. Летом в Анди⁷ собрались шейхи, кадии, муллы из Дагестана, Чечни и сказали Нажмутдину: «Будь нашим имамом». У народа не спросили. Да стоит ли спрашивать тех, кто из-за куска хлеба становится на сторону силы. Далеко пойдёт сын Доного. Для его чрева мало одного округа, он способен проглотить целые страны.

– Не проглотит! – воскликнул Джавад. – Подавится, если захочет проглотить.

Гаджи-Магома поднял голову на парня. Сощурился, он внимательно оглядел его, словно видел впервые. Может быть, сказанные твёрдо, с уверенностью слова пробудили веру в пророческие слова отца: «Не пойдут впрок богатства, облитые слезами и кровью народа».

– Не те времена, отец мой, – стал пояснять Джавад, боясь, что бросил фразу в тоне непозволительном при разговоре со старшими.

На улице послышался шум. Прервав разговор, собеседники стали прислушиваться. Шум доносился со стороны базара. Вскоре можно было расслышать цоканье множества копыт. Абдулла, Джавад, за ними старик, накинув шубы, поспешили на улицу Лавочки, мастеровые толпились у дверей, раскрытых калиток. Со стороны Гургул-аула, ближайшей окраины Шуры, бежали любопытные дети, за ними взрослые.

Заворачивая с Базарной улицы на Дербентскую, ехал, растянувшись, большой отряд конников, за ними ряд за рядом, строй за строем, стараясь бодро отбивать шаг мягкими чарыками⁸, из которых, оцетинившись, торчали пучки сена, шагали пешие. Шли люди в сапогах и в ботинках с обмотками. В кожаных куртках, шинелях, полушубках, ватниках, в бурках.

– Валлах, – сказал Гаджи-Магома Мелиху – шорнику-еврею из соседней мастерской. – Они идут на войну с мюридами Нажмутдина.

– Хорошо, что идут, пусть лучше подерутся там, за городом, лишь бы не здесь, злоба глаз не имеет, при больших драках и мирным попадёт.

– Зачем войну затевать? Тем более зимой. Сидели бы в своих аулах, ели бы кукурузные галушки с курдюком, нет же, надо идти на город, думают, что здесь им позволят делать что захотят. Эти поднялись, – кивнул Гаджи-Магома на красногвардейцев, – чтобы не пустить мюридов.

Старик не заметил, как, отделившись от одного отряда, сбоку подошёл к нему человек в сапогах, папахе, овчинном полушубке.

– Отец!

Старик обернулся. Перед ним стоял Манаф. Джавад, увидев брата, подбежал к нему.

– Присматривай за парнем, не отпускай от себя никуда! – сказал Манаф Гаджи-Магоме.

Не успел старик открыть рот, как Манаф, придерживая рукой кобуру маузера, побежал догонять свой отряд.

– Ах, волчий сын! Ах, разбойник! Куда идёт, зачем идёт? Ну подожди! – хмуро ворчал старик, глядя вслед отряду Джавад подумал о Дауде, которого побаивался. Как ему объяснить, куда делся Манаф? А если он видел его в отряде? Теперь понятно было Джаваду, где пропал Манаф с утра до вечера под предлогом того, что в мастерской всё равно мало работы.

Наступила ночь. Джаваду не спалось. Он с беспокойством ворочался с боку на бок, прислушиваясь к каждому шагу, к каждому шороху. Вдруг послышались за дверью шаги. Кто же это может быть? Три лёгких стука в дверь. Джавад вскочил. Он знал: это был условный стук брата. Открыл. Действительно, это был Манаф.

– Вернулся! – обрадованно воскликнул Джавад и тут же спросил: – Кушать хочешь?

⁶ Муфтий – глава верующих мусульман.

⁷ Анди – аул в Аварии.

⁸ Чарыки – самодельная обувь из сыромятной кожи.

– Нет, хочу спать. – Манаф сбросил полушубок на пол и лёг.

Как хорошо, как спокойно на душе, когда он здесь, рядом, думал Джавад, прислушиваясь к шумному дыханию уснувшего брата.

– Вах! – воскликнул удивлённо Гаджи-Магома, увидев рано утром на пороге мастерской Манафа. – Победили или спину показали?

– Ни того ни другого не сделали.

– Вернулись, значит, ну и хорошо, – сказал старик, – в мирном деле меньше бед. – Помолчав немного, спросил: – Кто вас собрал, кто был головой отряда?

Манаф, не ответив, заулыбался.

– Знаю кто, Махач, – ответил сам на свой вопрос старик.

– А ты откуда знаешь?

– А на старости лет я стал лучше видеть, кто и что делает.

– А кто такой Махач? – спросил Джавад.

– Я же рассказывал, – пояснил старик, – из Унцукуля, учёный, инженер, железные дороги строит. Какие хабары в той стороне? Не повернул обратно Нажмутдин со своими аскерами?

– Нет, говорят, сюда собирается на съезд, часть войск вернул в горы.

– Кто-нибудь из ваших был в Дженгутае?

– Об этом сказал Махачу один из членов исполкома, которого специально посылали из Шуры на переговоры с Гоцинским.

– Исполкомовцы боятся, наверное, новоявленного имама?

– Вероятно, – ответил Манаф и продолжал: – Человек этот возвращался, когда мы расположились на возвышенности Балык-баш. Было решено заночевать там, окопались, развели костры. Исполкомовский посланник уверил Махача в мирных намерениях Гоцинского. К тому же повалил снег, поднялся буран. Махач дал приказ вернуться в Шуру, разойтись по домам.

– Хорошо сделал, – сказал Гаджи-Магома, – напрасная была затея. Не устояли бы вы против сил имама. Один проезжий рассказывал, что войска его в дженгутайских домах не помещаются, все сеновалы, буйволятники заняли.

– Сила у него большая, что и говорить, – пробормотал Манаф.

Когда первый луч солнца заиграл на матово-перистых рисунках замороженных стёкол, Манаф припаивал доньшко медного кувшина.

– Идут! Идут! – донёсся в это время громкий крик с улицы.

Бросив на пол паяльник с кувшином и накинув старый кожух, Манаф выбежал на улицу. За ним последовали Гаджи-Магома, Абдулла и Джавадхан. Протяжные монотонные возгласы «Ла илаха иллаллах»⁹ с нарастающей силой доносились со стороны Дженгутайской дороги. С шумом стали распахиваться ставни окон, створы дверей и калитки. С заспанными лицами, с вытаращенными от удивления и испуга глазами жались горожане у стен домов, у ворот. Из города навстречу имаму с хлебом-солью вышла делегация от исполкома и богатых горожан. Вскоре вдали показалась тёмная движущаяся масса. Над ней на фоне синего неба и заснеженных гор гордо реяли зелёные знамёна ислама.

Первой вступила в город сотня всадников на великолепных конях. Чёрные черкески с серебряными газырями, высокие папахи, повязанные кусками белой материи. С плеч развёрнутым крылом ниспадали длинноворсные, широкополые андийские бурки. Оголённые лезвия шашек, как обрывки молний, сверкали, поднятые в руках. Цоканье копыт заглушалось звуками священного псалма – зикры. Это был головной отряд. За ним последовал второй. Отличные скакуны красочно одетых мюридов двигались, приплясывая под визгливые звуки зурны и сухую дробь барабана. Потом появилась пара рысаков, тяжело кативших фаэтон с откинутым верхом. В нём сидели двое, поразительно контрастные по внешности.

⁹ «Нет Бога, кроме Аллаха».

Один из них гигант в высокой папахе бухарского каракуля, обвязанной чалмой. Заняв почти всё сиденье, он утопал в меховой шубе, покрытой тёмным сукном. Широкое белое лицо, чёрные брови, тяжёлые веки над тёмной щелью полузакрытых глаз. Это был Нажмутдин Гоцинский. Откинувшись на спинку, он сидел неподвижно.

Рядом в высокой, как ассирийский тюрбан, папахе, тоже обвязанной чалмой, примостился низенький человек. Закутавшись в бурку, он, как диковинный птенец, нервно тряс головой; его выпуклые глаза глядели то с надменным самодовольством на простых смертных, то с собачьей покорностью на своего господина. Этого карликового роста духовного предводителя войск имама Гоцинского звали иронически шейхом Узун-Хаджи, что означало «Длинный Хаджи». Узун-Хаджи был правой рукой имама.

Перед фаэтоном ярко разодетые нукеры туго натягивали уздцы кабардинских чистокровок. За фаэтоном на крупной серой лошади ехал великан. В вытянутой вперёд руке он держал знамя пророка, на котором была изображена звезда с полумесяцем.

– Вах! – с удивлением сказал Джавад, толкнув локтем в бок старшего брата. – Ты видишь?

– Вижу, – сухо ответил Манаф.

Джавад впился глазами в широкоплечего румяного черноусого седока. Морозный ветерок, теребя зелёное полотнище знамени, забрасывал его на зонт фаэтона.

– Это же Али-Кылыч! – воскликнул Гаджи-Магома.

Манаф, опустив голову, вошёл в мастерскую, боясь встретиться взглядом с известным борцом, который объехал почти всю Европу. А Джавад не отрывал от него глаз, пока Али-Кылыч не скрылся в рядах, ушедших вперёд.

За колонной замыкающих конников двигалась серая толпа оборванцев, с ног до головы закутанных в овчинные шкуры. Полуголодные фанатики, вооружённые дешёвыми кинжалами и дубинками, с перекинутыми через плечо пустыми хурджунами, входили в город. Когда хвостовые колонны подходили к базару, головной отряд от Церковной площади двинулся вниз по улице Аргутинской. Фаэтон имама остановился у здания исполкома.

Председатель исполкома после приветствий и обмена рукопожатиями любезно предложил Гоцинскому расквартировать отряды в южных и западных казармах города.

Шейх Узун-Хаджи успел пересесть из фаэтона на своего коня. Горделиво откинув назад несоразмерно большую по сравнению с туловищем голову, визгливым голосом командовал, направляя отряды в одну и другую стороны.

Фаэтон Гоцинского в сопровождении нукеров и нескольких лиц в офицерских мундирах, поднимая тучи пыли, подкатил к особняку известного в городе инженера Кваршалова.

...От Гаджи-Магомы Манаф узнал, что Али-Кылыч в последнее время жил с семьёй в Шуре.

– Если тебя интересует, могу показать дом, это недалеко от Церковной площади, почти рядом с особняком Абиссинского.

– Мы можем пойти к нему, – обратясь к брату, сказал Джавад.

– Зачем?

– За долгом.

– Нет, я не пойду. Порядочный должник сам разыскивает того, кому должен.

– О каком долге идёт речь? – спросил Гаджи-Магома.

Манаф объяснил ему, как, живя в Севастополе, одолжил борцу Али-Кылычу пять червонцев.

– Что ж, не мешает напомнить, – сказал старик.

– На эти вещи у меня есть свой взгляд, – решительно ответил Манаф.

Ярко светились в этот вечер окна одного из туринских особняков. Сквозь густую сеть белоснежных гардин виднелась большая керосиновая лампа с матовым абажуром, висящая

над круглым столом. На столе были расставлены бутылки. Рядом с хрустальными бокалами струился в пепельнице дымок дорогих папирос. За столом, оживлённо беседуя, сидела группа офицеров.

Среди них особенно обращал на себя внимание высокий, стройный, с широкими плечами мужчина средних лет, с волевыми чертами смуглого сухощавого лица. Он часто поднимался из-за стола, сверкая чёрными глазами, оживлённо жестикулируя рукой, что-то рассказывал. Это был хозяин дома – полковник Магомед Сафаров. Кавалер четырёх Георгиевских крестов, прославившийся ещё в Русско-японскую войну, аварец из селения Кудали Гунибского округа, он был женат на русской. Образованный человек, сын зажиточного узденя, он был известен не только как отчаянный храбрец, но и как кутила. В этот беспокойный для жителей Шуры вечер ему было о чём побеседовать с друзьями. Несмотря на приглашение городских властей, на поклон к Гоцинскому он не пошёл.

– Ей-богу, этот арабист, возомнивший себя имамом, довольно смешон. Но не менее смешны пресмыкающиеся перед ним исполкомовцы, – рассказывал Сафаров.

– Да, но ты, Магомед, забываешь, что исполкомовцы, запутавшись в этой неразберихе, считают более благоразумным опереться на него как на силу, надёжную в борьбе с большевизмом, – перебил Юсуп Алибеков.

– А разве у нас нет сил? – Отвечая на свой вопрос, Сафаров стал перечислять: – Арт-дивизион с двумя батареями, шестнадцать орудий, двести пятьдесят человек прислуги – раз. Русский пехотный полк – два; две маршевые сотни 2-го конного полка – три; две маршевые сотни 1-го конного полка – четыре; целый гарнизон в тысячу четыреста штыков и сабель, не считая офицеров. Разве этого мало?

– Я вполне согласен, – сказал Алибеков. – Одним залпом из трёх орудий можно было рассеять мюридов Гоцинского, не допустив в город.

Сафаров задумался и добавил:

– Но тем не менее не надо забывать о сложных межнациональных отношениях в нашей стране. Задача – объединить силы для борьбы с общим врагом – большевиками. Пусть большевистская Россия живёт сама по себе, а наша горская республика сама будет решать свою судьбу.

Противопоставляя военную силу состоящую из регулярных войск, беспорядочному сброду имамистов, Сафаров был прав. Если бы не эта сила, властолюбивый Гоцинский одним мановением руки покончил бы с Шуринским исполкомом. Честолюбивый, он был польщён встречей и вниманием, оказанными ему исполкомовцами.

До начала съезда дагестанских представителей Гоцинский решил собрать у себя офицеров. Генерал Халилов, полковник князь Нухбек Тарковский, Алибеков, Сафаров и другие толпились в гостиной Кваршалова в ожидании имама. Им было сообщено, что почтенный имам не окончил трапезу.

Дверь в гостиную, наконец, широко распахнулась. В неё с трудом протиснул свою тушу Гоцинский и, сделав несколько лёгких кивков, профланировал мимо с медным кувшином в руках, направляясь в уборную.

Высокий, худощавый генерал Халилов, с заискивающей улыбкой, отвесив поклон в пояс, вышел во двор, вслед за Гоцинским.

– Ну, как ты смотришь на это? – обратился Сафаров с усмешкой к Тарковскому, кивнув в сторону Халилова.

Тарковский спокойно развёл руками.

– А я считаю это унижительным. Мне здесь делать нечего. – Сафаров направился к парадной двери.

За ним последовал Алибеков. Он догнал Сафарова на улице.

– Видел, до чего дошёл генерал? Перед кем?! Этот Гоцинский не мог справиться с ролью начальника Самурского округа и с треском был уволен губернатором.

Сегодня мы будем кланяться ему в пояс, а завтра он заставит башмаки на его ноги натягивать. И мы, офицеры, это терпим. Тьфу! – плюнул с раздражением Сафаров.

Алибеков шёл молча. Они направились вниз по Еврейской улице. В самом конце её жил Юсуп. Вдруг их внимание привлекли вооружённые солдаты, которые направлялись к пустующему зданию бывших кавалерийских конюшен, расположенных недалеко от дома Алибекова.

– Что это значит? – спросил Сафаров, с удивлением разглядывая серую толпу.

– Красногвардейцы, – ответил Алибеков и взволнованно продолжал: – Мне кажется, Дахадаев, Буйнакский и ещё кто-то вошли во двор.

– Значит, часть Петровского гарнизона большевики прислали для устрашения чалмоносцев, – заключил Сафаров.

В Петровске действительно стоял крупный гарнизон пехоты, артиллерии и матросов. Петровский Совдеп, в котором большевики, рабочие и солдаты имели решающее слово, опирался на эту силу. В этих полках, да и в Шуринском пехотном полку были созданы полковые комитеты.

После отречения Николая II от престола полки решили никому не присягать. Но те, что составляли гарнизон Шуры, невольно сделались опорой Шуринского исполкома. А те, что в Петровске, стали в основном на сторону большевиков. Но и те и другие в одинаковой мере могли оказать сопротивление имаму. Гоцинский знал об этом и потому ограничился, видимо, мирной демонстрацией своих сил. Приход красногвардейских частей из Петровска обрадовал население, ибо в них видели простые горожане надёжную защиту.

К полудню у здания городского театра собралась огромная толпа. Она запрудила все прилегающие улицы.

Люди выглядывали из окон, теснились на балконах. В толпе были Гаджи-Магома, Манаф, Абдулла и Джавад. По Аргутинской шли члены правительства, представители местной знати, интеллигенция.

Внимание Джавада особенно привлек Махач Дахадаев. Он шёл в сопровождении русского мужчины, которого назвали Гоголевым. Они шли, улыбаясь, лёгким кивком приветствуя знакомых. То же самое они сделали, проходя мимо Манафа, что дало возможность Джаваду лучше разглядеть лицо Махача.

Имам Гоцинский, окружённый конными нукерами во главе с Узуном-Хаджи, важно развалившись на сиденье фаэтона, подъехал к театру. Фанатичный шейх, нервно мигая, вертел, словно на шарнирах, голову то в одну, то в другую сторону. Он думал, что народ встретит имама и его шейха возгласами приветствий. Но ничего подобного не случилось. Равнодушная толпа шуринцев, не скрывая обывательского любопытства, тарасила глаза, раззявив рты, то на имама, сидящего в фаэтоне, то на шейха, казавшегося в седле меньше своей папахи. Быстро спешившись, два нукера помогли Гоцинскому выйти из фаэтона. Покраснев то ли от стыда, то ли от возмущения, не глядя ни на кого, он поднялся по ступеням. Нукеры последовали за ним. Джавад успел заметить, как спорхнул, словно воробей, с коня Узуна-Хаджи. В толпе его не стало видно.

– Вон Коркмасов, кумык из Кумторкалы, ты знаешь его? – спросил Гаджи-Магома, коснувшись руки Манафа.

– Знаю немного.

Джавад бегающими глазами смотрел на проходящих мимо, ища кумыка.

– Где Коркмасов? – спросил он, обращаясь к старику.

Гаджи-Магома указал пальцем в спину прошедшего мимо. Джавад, увидев человека в европейской одежде, воскликнул:

– А я подумал, что он русский.

Сказав что-то Гаджи-Магоме, Манаф отошёл в сторону. Джавад заметил его в толпе среди тех, кто пытался протиснуться в двери театра.

Время клонилось к полудню. Народ постепенно расходился.

Положение в городе было тревожным. Стало известно, что ночью были разграблены продуктовые и мануфактурные склады богатых торговцев и туринский пассаж. Частники бросились с жалобами в исполком. Там отметили, что ведётся расследование и поиск грабителей.

Утром в мастерскую Гаджи-Магомы пришли два человека. Один оказался рабочим кинжального завода Махача, второй – печатник Шуринской типографии. Пошептавшись с Манафом, ушли. Манаф, накинув ватную куртку, сунул за пазуху пистолет, последовал за ними.

Обеспокоенный Джавад побежал за братом. Шёл он держась далеко, стараясь быть незамеченным. Манаф подошёл к дому Махача, оглянулся по сторонам, видя, что никого нет, вошёл в калитку. Джавад продолжал стоять за углом, наблюдая издали. Через определённые промежутки времени один за другим заходили во двор люди. В смотровом окне чердака дома мелькнуло лицо человека. «Что это значит?» – подумал Джавад. Вокруг никакого шума, ничего подозрительного.

Вдруг со стороны шоссе показалась группа всадников. Они остановились недалеко от дома Махача, разделились на четыре группы, разъехались и стали на подступах к дому с четырёх сторон. Это были конники Шуринского гарнизона. Вскоре распахнулись ворота дома. Со двора выкатил фаэтон, в нём сидел Махач. Джавад узнал его. К фаэтону поспешил грациозно сидевший на лошади офицер. Наклонившись с седла, он о чём-то поговорил с Махачом. Махач пожал ему руку, фаэтон тронулся.

Мимо дома проскакало несколько всадников из войск имама. Прошла группа пеших чалмоносцев во главе с Али-Кылычем. Они покосились на кавалеристов гарнизона и прошли мимо. Долго ждал Джавад, но из ворот никто не выходил. Озябший и проголодавшийся, он вернулся в мастерскую, рассказал всё, что видел, Гаджи-Магоме.

– Значит, там что-то ожидается, – пробормотал старик.

Не вытерпев, Джавад ещё раз сбегал к дому Махача. Всё казалось спокойным. Конников не было. Через некоторое время возвратился Манаф.

– Где ты был? – спросил Гаджи-Магома.

Манаф стал рассказывать:

– Когда Гоцинскому и Узуну-Хаджи стало известно о речах, произнесённых Махачом в казармах, где разместились мюриды, имам и шейх пришли в ярость. Имам, вызвав к себе Али-Кылыча, сказал: «Нам стало известно, что этот унцукульский безбожник Махач, не ограничившись богохульством и антишариатскими выпадами на съезде, обошёл жилища наших воинов и произнёс речи, целью которых было противопоставление правоверных своим светским и духовным предводителям. Нам известно также, что его дом стал логовом гяуров, к которым он давно примкнул, очернив доброе имя предков. Это логово необходимо разорить, самого предать позорной молве».

Узнав об этом, кое-кто забеспокоился. Даже исполкомовцы боялись, что нападение на дом Махача может вызвать волну возмущения народа и стать поводом для столкновения и кровопролития. Они вызвали полковника Сафарова, предложили ему выставить на подступах к дому вооружённую охрану, а большевики, не доверяя ни тем ни другим, решили охранять дом изнутри.

– Вы слишком хорошо охраняли дом Махача днём, а на ночь, когда опасность более вероятна, ушли.

– Не беспокойся, отец, сила у нас немаленькая. Смена не менее надёжная засела на чердаке и в саду.

Шуринский базар все эти дни пустовал. Лишь воины имама выходили сюда, чтобы продать своё тряпье и награбленное имущество.

В мастерской работы не было. Гаджи-Магома, боясь отпустить ребят одних, следовал за ними по пятам.

Однажды их привлёк шум на базарной площади. Держась подальше от толпы, они подошли к месту сборища. И каково было удивление Джавада и других, когда они увидели искажённое злобой лицо Али-Кылыча. Потрясая мощным кулаком, он говорил:

– Мусульмане, облачённые в одежду гяуров, не мусульмане. Горцы в чине царских офицеров – не горцы. Дагестанцы, укрывающие в своих домах гяуров, – гяуры! Невзирая на сословие и положение, их нужно разоблачать. Начинать можно и с таких, как Нухбек Тарковский. Кумыкский князь, полковник царской службы, делает вид, что сочувствует нам, а на самом деле укрывает в доме семейство гяуров во главе с бывшим шуринским генерал-губернатором! Если не верите мне, пойдёмте в его дом, я вытащу их на улицу и докажу свою правоту и неверность того, кто дал неверным убежище.

Беспорядочная толпа чалмоносцев хлынула вверх по Базарной улице, вышла на Церковную площадь и направилась к дому Тарковского. Али-Кылыч был впереди. Но дом Нухбека Тарковского оказался оцепленным вооружённой охраной конников. Али-Кылыч, умерив пыл, замедлил шаг. Подняв руку, он остановил фанатиков недалеко от дома. Сам тяжёлой поступью медведя-шатуна направился к командиру охраняющего дом отряда и спросил:

- Вы мусульмане или гяуры?
- Мусульмане, – ответил сотенный.
- Кого охраняете, мусульман или гяуров?
- Мусульман.
- Нет, гяуров, – возразил раздражённо Али-Кылыч.
- Разве вам не известно, что это дом Нухбека Тарковского?
- Нам известно, что в доме Нухбека прячутся урусы.
- Частный дом – крепость хозяина, – ответил сотенный.
- Крепости непокорных и неверных берутся штурмом!
- Штурм можно отразить! – дерзко воскликнул сотенный.

Во время этого разговора прискакал на лошади Сафаров. Сотенный, козырнув, доложил полковнику о случившемся. Обращаясь к Али-Кылычу, Сафаров, иронически усмехнувшись, сказал:

– Друг мой, ты славишься силой физической, но как борец должен знать, что для успеха в борьбе одной силы недостаточно, нужны техника и разум. Я, человек военный, пропитанный пороховым дымом, не рекомендую тебе слепо следовать приказам тех, кто толкает тебя на дела, не обладая знаниями рядового солдата.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Али-Кылыч.

– Хочу предупредить, что в случае недозволенных действий встретите противодействие. Советую вам увести эту толпу и передать Гоцинскому, что в доме Тарковского действительно гостит русский генерал с семьёй. По законам гостеприимства хозяин обязан защитить гостей как членов собственной семьи, невзирая на их вероисповедание.

– Я служу имаму и выполняю его распоряжение так же, как и вы выполняете приказы тех, кому служите, – ответил Али-Кылыч.

– Ваш имам, посылая вас, не руководствуется шариатом. Его цель – личная месть. Так вот, пойдите и доложите ему, что гостящий у Тарковского генерал ничего общего не имел с тем, который уволил Гоцинского с поста начальника Самурского округа. Ваши предводители заверяли, что пришли сюда с миром, так пусть с миром и уходят туда, откуда пришли.

Али-Кылыч, исподлобья глянув на пикеты конников, сказал:

– Придётся доложить.

Сафаров с насмешливой улыбкой козырнул. Медленно пошёл вверх по тротуару Али-Кылыч. Толпа чалмоносцев последовала за ним.

Чистым пухом покрыла зима липкую грязь шуринских мостовых, потемневшие крыши и чёрные ветви деревьев, словно сквозь крупное сито просеивало небо белую крупу. На окраинах города было пустынно. Лихо гарцевавшие по улицам аскеры войск имама вернулись в казармы и, зябко кутаясь в бурки, вспоминали родные очаги, пропитанные запахом чеснока и вяленой баранины.

В доме Магомед-Мирзы Хизроева, что находился в конце Шуринского бульвара, было уютно, тепло. Собирались гости. Прислуга хлопотала на кухне. Молодая жена играла на рояле. Кунаки расположились на широкой тахте, в мягких креслах. Грустные звуки старинной горской мелодии сменялись зажигательным ритмом лезгинки. Здесь были Уллубий Буйнакский, Казбеков, Саидов, Захарочкин, Батырмурзаев.

– Махач, видимо, не придёт, его нет дома. Прошу к столу, – любезно предложил Магомед-Мирза.

Ужин длился недолго. За столом сидели одни мужчины. Предупредив прислугу, чтобы в комнату никого не пускали, Магомед-Мирза плотно прикрыл двери.

– Слово предоставляется председателю Петровского военно-революционного комитета. – И Магомед-Мирза посмотрел на Уллубия Буйнакского.

– Дорогие товарищи, – начал говорить Уллубий. – Прежде всего должен передать вам приветы от петровских друзей – Ермошкина, Котрова и других. Во-вторых, спешу доложить, что дела у нас идут относительно неплохо.

Как вам известно, после долгих колебаний городская дума отпустила нам пятнадцать тысяч на содержание вооружённых отрядов Красной гвардии. Этой мизерной суммой мы не могли ограничиться, решили взять средства у богатых. Наложили четыреста тысяч рублей контрибуции. Тут они и подняли вопль. Но члены Военно-революционного комитета действовали решительно. Деньги хотя и силой, но собрали. Это и встревожило городскую думу, особенно некоторых членов исполкома. Нас поддерживают Грозненский и Бакинский Советы. Задача – неотложно формировать гвардейские отряды. В агитации за новую власть широко использовать обращение Ленина к россиянам.

Воспользовавшись минутой молчания, Казбеков сказал:

– Сейчас нужно приложить все усилия для предотвращения столкновений с отрядами Гоцинского. Насколько мне известно, в этом отношении Дахадаев и все присутствующие здесь принимали возможные меры.

– Совершенно верно, – подтвердил Хизроев. – По крайней мере, на сегодня ни одного пешего аскера имама не осталось в городе. Начали разбегаться и всадники. Говорят, что Гоцинский намерен уйти, оставив здесь своего шейха с небольшим отрядом конников.

– Ему ничего не остаётся делать, – вставил Гарун Саидов.

– А как вам понравились соглашательские речи Темирханова? – спросил Казбеков.

– В отношении солдатского комитета? – уточнил Хизроев.

– Да.

Уллубий повторил фразу, сказанную Темирхановым на съезде: «Вмешательство солдатского комитета в наши дела, с точки зрения самоопределения, мы считаем обидным».

На лицах сидящих появились улыбки.

– Всем было ясно, что это клевета, – сказал Батырмурзаев.

Начал говорить Саид Габиев:

– Услуга, которую оказывает нам русский народ в борьбе с контрреволюцией, неопенима, но отношение к солдатам Шуринского гарнизона со стороны многих членов исполкома прямо-

таки враждебное. Не знаю, насколько достоверно, но полковник Арацханов проговорился в своём кругу о необходимости разоружения и роспуска пехотного полка и артдивизиона.

– Ничего удивительного, – сказал Уллубий. – Революционно настроенные солдаты русского гарнизона – плохая опора контрреволюции. Они это прекрасно понимают и будут так же, как и мы, стремиться умножать свои силы за счёт более надёжных воинов.

– Вряд ли им это удастся, – сказал, поднимаясь со стула, Магомед-Мирза.

Он прошёлся по комнате, стал у буфета:

– Вопрос «Кто кого?» остро стоит не только между большевиками и контрреволюцией, но и внутри последней. Гоцинского ненавидят контрреволюционная верхушка исполкома и местные офицеры. Гоцинский, если бы мог, уничтожил бы тех и других. Вы слышали, наверно, о столкновении Нажмутдина Гоцинского с Кайтмасом Алихановым в Хунзахе?

– Нет, расскажите, – не скрывая любопытства, попросил Уллубий.

– Полковник Алиханов, георгиевский кавалер, герой Русско-японской войны, тоже считается крупным овцеводом в Аварском округе. Правда, он менее богат, чем Нажмутдин, но более известен как человек умный и мужественный. Скрытая вражда из-за пастбищ, а в последнее время из-за влияния и власти в округе привела их к окончательному разрыву.

Избрание Нажмутдина имамом взбесило Кайтмаса. После Февральской революции Кайтмас, подчинив себе гарнизон Хунзахской крепости, не стал никого признавать.

Нажмутдин, возомнив себя духовным предводителем Дагестана, решил совершить разведку в Аварском округе и, прежде всего, объявил о своём намерении посетить Хунзахскую мечеть. Услышав об этом, Кайтмас немедленно отправил связного с письмом к Гоцинскому, в котором писал: «Нажмутдин из Гоцо, после салама предупреждаю тебя, что ты можешь прийти в Хунзах навестить родственников и помолиться, если имеешь желание. Но знай, что ни один из твоих мюридов не будет допущен в Хунзах. Если они покажутся, дорогу преградим силой».

Обозлённый Нажмутдин, собрав мюридов, пошёл на Хунзах. Кайтмас выставил на возвышенностях дороги вооружённые посты. Как только мюриды стали приближаться, хунзахцы дали залп. Нажмутдин вынужден был вернуться.

– Значит, обошлось без кровопролития? – спросил Уллубий.

– Нет, это не всё, – продолжал Хизроев. – Через несколько дней Нажмутдин внезапно появился в Хунзахе с верными ему нукерами. Подъехал прямо к мечети, помолился, а после молитвы обратился к джамаату со словами: «Мусульмане, известно ли вам, что здесь правит гяур, служивший нашему поработителю – русскому царю? Выражая свою преданность ему, он до сих пор продолжает носить золотые погоны и побрякушки, дарованные ему в награду за верную службу Неужели среди вас не осталось мужчин, достойных звания правоверных мусульман? Изгоните его и внедрите шариат вместо царских законов».

Кайтмасу тотчас доложили. Он быстро явился к месту ссоры, встав перед Нажмутдином, сказал:

– Я вижу, тебя тяготит обилие употреблённой пищи, ты не знаешь, как освободиться от нечистот! Ты изрыгал их на меня в моё отсутствие.

С этими словами седой полковник бросился на имама.

Аульские старики кинулись разнимать их. Между сторонниками того и другого произошло серьёзное столкновение, не обошлось без жертв.

Хизроев закончил свой рассказ.

Почти каждую пятницу Манаф с Джавадом заходили к Дауду. В один из таких дней жильцов верхнего этажа дома Сулеймана-Хаджи привлёк шум, доносившийся со двора. Все кинулись к окнам веранды. Во дворе была настоящая свалка. Дрались женщины. Старухи и дети вопили.

Манаф тоже стоял у раскрытого окна веранды, но не смотрел на происходившее внизу. Его взгляд был устремлён в противоположную сторону, где, прильнув лбами к стёклам, с интересом смотрели вниз четыре дочери Сулеймана-Хаджи. Старшая, на которой остановил лукавый взор Манаф, вдруг подняла глаза. Встретившись взглядом с Манафом, она стыдливо опустила голову. Манаф почувствовал прилив тёплой струи к сердцу.

Тут же прекратился шум во дворе. Манаф глянул вниз. Жильцы первого этажа, как вспугнутая стая птиц, разлетелись кто куда. Манаф увидел, как, гордо неся чалмоносную голову, с одеревенелым в суровости лицом, шел по двору Сулейман-Хаджи.

Как выяснилось позже, драка между женщинами произошла из-за очереди у курука – печи, где ежедневно пекли хозяйки плоские лепёшки.

Манаф продолжал стоять у окна в надежде, что девушка выглянет вновь. Но вместо неё появилась Хаджи-Катун. Она подбоченилась и с победоносным видом стала у окна.

В доме Сулеймана-Хаджи рядом с квартирой Дауда жил с семьёй кумык Бийакай. Работал он секретарём туринского шариатского суда. Бийакай был учён, имел право носить почётное звание хаджи, как человек, совершивший паломничество в Мекку.

Это был единственный жилец в доме, к которому суровый Сулейман-Хаджи и не менее суровая Хаджи-Катун относились как к равному. Только к нему день в день, час в час не являлась высокомерная старуха, не становилась безмолвно в ожидании, как ханша, требующая дани от подвластных. К каждому квартиросъёмщику она заходила только раз в месяц в послеобеденное время, если до того не была уплачена квартплата. Бийакай составлял исключение во всех отношениях. Ему Сулейман-Хаджи подавал руку, а Хаджи-Катун каждую пятницу подносила несколько пресных лепёшек. Их связывал совместный хадж в Мекку.

Бийакаю было известно всё, чем жил и чем живёт в настоящее время Сулейман-Хаджи. С Даудом Бийакай был в добрососедских отношениях. Манафу добродушный кумык понравился с первого взгляда. Он стал захаживать иногда к гостеприимному юристу.

– А старшая дочь у хозяина недурна собой, – сказал Манаф Бийакаю в тот день, когда увидел её впервые.

Сосед, хитро подмигнув, ответил:

– Что хороша, то хороша, но ты не разжигай огонь в своём сердце, толку не будет...

– Как сказать... – ответил Манаф.

– Ничего не сделаешь. Канарейку из клетки, сколько ни летай вокруг, орёл не унесёт.

На другой день, сидя у Дауда, Манаф вновь заговорил:

– Не знал я, что у Сулеймана такая красивая дочь.

– А что бы ты сделал, если бы знал? Что можешь сделать теперь, зная? – спросил Дауд.

Манаф молчал.

– Не собираешься ли посвататься?

– А почему бы и нет?

– Сам пойдёшь или акушинских белобородых пошлём?

– При моём положении можно рассчитывать только на самого себя.

– Попробуй.

– Попробую. Клянусь Аллахом!

– Ты шутишь или всерьёз?

– Всерьёз.

– Ну-ну, попробуйся, может быть, богач Сулейман ждёт, когда к нему явится хутынский голодранец-лудильщик.

– Ты забываешь, брат, что есть не только богатые женихи, но и смелые мужчины.

– Смелой дури в тебе хоть отбавляй, – начал серьёзно Дауд. – Я не раз говорил и повторяю: занимайся своим ремеслом и веди себя как положено юноше.

– Разве я веду себя недостойно?

– Не об этом речь. Ты думаешь о том и занимаешься тем, что не приведёт к хорошему. Даже хозяин заметил твою приверженность к большевикам. Бываешь с теми, кто идёт против религии, маршируешь на виду у всех со всяким сбродом.

– Те люди, с которыми я бываю, не хуже твоего хозяина. А что касается сброда, то для меня, голодраного лудильщика, среда вполне подходящая. Не примут меня в своё общество шуринское духовенство и знать.

Обиженный Манаф направился к двери. Дауд удержал его:

– Ты мне брат. Твоё благополучие – моё благополучие, твоя беда – моя беда.

Манаф повернулся к Дауду:

– Мы люди разных убеждений. Ты довольствуешься тем, что даст Бог. Будешь выносить все невзгоды, унижения, относя всё на счёт воли Всевышнего. Ты безразличен ко всему, что делается вокруг.

Манаф ушёл.

На другой день он явился вновь. Непонятная сила протянула невидимую нить от его сердца к той части дома, где жил Сулейман-Хаджи.

Манаф забегал во двор Сулеймана рано утром. Он забегал сюда в обед и вечером, часто не заходя к Дауду, и, глянув на пустую хозяйскую веранду, возвращался обратно. Он узнал, что старшую дочь Сулеймана-Хаджи зовут Саидой.

Чем более безнадёжным казалось увлечение, тем сильнее влекло. Он в буквальном смысле потерял покой. Любовь, о которой он понятия не имел, с первого взгляда так цепкохватила его за сердце, что он забыл ту, которая была наречена, что ждала его в ауле...

Теперь, где бы он ни был, чем бы ни занимался, днём и ночью стоял перед ним образ чернобровой красавицы. Конечно, он и подумать не мог, что богач выдаст за него Саиду.

– Бийакай, не могу больше, как родному брату признаюсь. Дауду не говорю, а от тебя не хочу скрывать, помоги, – сказал однажды Манаф юристу.

– Чем помочь, что случилось? – шутливо спросил Бийакай.

– Люблю.

– О, это дело стоящее! Кого же ты любишь?

– Дочь хозяина Саиду.

– Встречался с ней?

– Видел один раз. Помнишь, говорил тебе?

– Помню, помню. Но чем я могу тебе помочь? Выступить в роли свата? – уже серьёзно спрашивал Бийакай.

– Да нет же, я понимаю, кто она, кто я.

– А что же делать?

– Пусть жена твоя Бике позовёт её. Взгляну ещё раз. Может, разочаруюсь, может, на самом деле она не столь хороша, как показалось. Ну сделай милость, пусть позовёт.

– А если хороша?

– Ну что ж, пусть хоть глаза мои насытятся её красотой.

Бийакай вдруг увлёкся длинным рассказом о Сулеймане-Хаджи, строптивой Катун, о том, как они совершили путешествие в Аравию и как разбогател после этого паломничества Сулейман-Хаджи.

– Ты истинно верующий? – спросил как-то, придя к Бийакаю, Манаф.

– У тебя есть основания сомневаться?

– Не к тому говорю.

– А к чему?

– Не кажется ли тебе, что похищение дочери этого хищника будет делом, Богу угодным?

– Думаю, что это дело более угодно тебе, нежели Богу.

– Не отрицаю. Но после того как ты мне рассказал, как разбогател этот Хаджи, меня гложет мысль, почему я должен считаться с его положением, именем, вести себя благоразумно. Почему он, строящий из себя почтенного человека, во имя достижения своей цели избирал любые удобные для него пути, а я во имя чистой любви не могу решиться на крайнюю меру?

– Разве тебя удерживают?

– Да, мой брат Дауд.

– У того, кто не разделяет твою печаль, не ищи сочувствия и совета.

... Бике, жена Бийакая, в пятницу приготовила мучную халву, специально чтобы угостить Хаджи-Катун. Придя к хозяйке дома, она, выбрав момент, шепнула Саиде: «Зайди к нам». Это было перед вечером. Когда бабка стала расстилать молитвенный коврик, Саида, шмыгнув, исчезла за дверью. Лёгким ветерком помчалась она по коридору и влетела в квартиру секретаря суда. Хозяина и хозяйки в первой комнате не оказалось. К ней повернулся высокий, стройный молодой человек, стоявший у окна. Саида хотела выбежать обратно, но что-то удержало её. Человек, которого она однажды видела в окно веранды, обратился к ней на родном языке:

– Откуда явилась?

Краска стыда густо покрыла лицо Саиды. Манаф шагнул в её сторону. Девушка отступила к двери.

– Не бойся, трогать тебя не собираюсь.

Девушка подняла голову, но не посмотрела Манафу в лицо.

– Выйдешь за меня замуж?

– Выйду, – ответила неожиданно Саида. Но тут же, хлопнув дверью, исчезла.

Манаф не поверил своим ушам.

Бийакай с женой, весело улыбаясь, вышли из дверей второй комнаты.

– Ну как, насытил глаза красотой хозяйской дочери? – спросил Бийакай.

– Глянуть не успел.

– Неправда, не то что глянуть, поговорить даже успел.

– С ума можно сойти. Она заарканила меня не только красотой, но и смелостью. А может, смеха ради ответила «выйду»?

Манаф задумался.

– Не тужи, кунак, – заговорил Бийакай. – Может быть, она и на самом деле готова выйти за кого угодно, лишь бы вырваться из домашней тюрьмы. А с таким парнем, как ты, не только дочь Сулеймана, дочь хана сбежит не задумываясь.

Весна восемнадцатого года на фоне тревожных дней игриво расписывала неотъемлемые законы влечений. И природа, и люди в зависимости от сил, способностей следовали этим законам, особенно те, что не перешагнули за возраст любви.

Никакие каноны, никакие догмы не способны подавить движение чувств молодого сердца. Как никогда в жизни почувствовал это Манаф. О своей любви рассказал Гаруну. Восторженный поэт экспромтом сложил песню о любви Манафа, пропел её, сидя в рабочем кабинете типографии, в заключение пожелав удачи.

Махачу открыл Манаф свою тайну только тогда, когда окончательно договорился с Саидой о дне побега.

– Ей-богу, хорошее дело! – воскликнул Махач и добавил: – Только с одним условием: любовь любовью, а дело делом. В Кази-Кумухском округе работы хоть отбавляй. Комиссаром окружным туда направлен Саид Габиев, знаешь его?

– Видел один раз, Гарун знакомил с ним.

– Я напишу письмо к нему. Перед отъездом зайди.

Бийакай договорился с казанищенским аробщиком, человеком знакомым, на которого можно было положиться. Двухколёсная арба, запряжённая волами, подъехала к двору, где жил

Манаф. На неё взвалили огромный тюк с оставшимся оружием, прикрыли сеном, сверху положили кое-что из вещей. Джавад с Абдуллой приехали на постоянный двор. Манаф пошёл прощаться с Даудом. Тот сказал:

– Я с тобой прощаться не буду, постараюсь пораньше встать, приду провожу.

Манаф с вечера обошёл друзей, знакомых, зашёл к Махачу за письмом. Ночью вначале бродил по широкому двору и помещениям, где спали постояльцы. В полночь отправился к дому Сулеймана. Он без конца оглядывался, гуляя по тротуару. Неужели проспит, а может, не удастся выйти или передумала? Нет, передумать не могла, сказала, ничто не может удержать её.

Может, в доме заподозрили или схватили, когда выходила...

Ну что ж, тогда придётся отложить отъезд. Но откладывать не пришлось. Она вышла со двора, когда ночь была почти на исходе.

Манаф бросился ей навстречу. Саида дрожала от страха.

– Ради Аллаха, бежим быстрее.

Через минуту они зашли в подворотню постоянного двора. Не прошло и четверти часа, как со скрипом со двора выкатилась арба. Только за городом Манаф и Саида уселись в неё и облегчённо вздохнули.

Холодный предрассветный туман густо стелился по горам. Было ещё темно и тихо. Не выпуская из рук узелок с одеждой, Саида, дрожа и от страха, и от холода, прижималась к Манафу, накрывшись широкой полой бурки.

Постепенно рассеялся туман. На тёмном небе слабо мерцали далёкие звёзды. Медленно к западу бледный диск луны. Через тёмную прореху над восточными горами пробивался лоскут серого рассвета. Лениво тянули арбу на гору волю. Длинной тонкой палкой направлял их аробщик на середину дороги. «Какая она?» – думал Джавад, непрерывно оглядываясь назад, где, словно орёл со сложенными крыльями, сидел в бурке Манаф. А если пошлют погоню? Что стоит богачу Сулейману нанять полдюжины молодчиков... Думает ли об этом Манаф?

Манаф тоже думал о погоне, прислушивался к каждому звуку. Нет, топота копыт не слышно.

...Солнце поднялось. Осталось позади и Верхнее Казанище. Жарко было Саиде под буркой, но высунуть голову боялась. На дороге встречались путники, едущие вниз и вверх на лошадях, на подводах.

В доме, наверное, переполох, думала Саида. Жаль было только мать, забитую, безропотную, на которую нередко поднимали руку не только отец, но и бабка. Не напрасно она ночь перед бегством провела в комнате бабки. Целый день была у неё на виду. Пусть теперь Хаджи-Катун себя винит, что недосмотрела. Пусть отец теперь ей выбьет глаз, как когда-то выбил бедной матери.

Она представляла себе окаменевшее в гневе лицо отца, мечущие искры зла глаза бабки.

– Сверни с дороги, сделаем остановку в том лесочке, – указал Манаф пальцем аробщику Арслану.

– Лес Нухбека Тарковского, – сказал возница.

– Ну и пусть, мы же не собираемся рубить его.

Арслан, завернув быков в сторону, заехал в чашу.

Манаф с Саидой сошли с арбы. Пошли по тропе к ложбине, скрылись в зарослях терновика. Завтракали все вместе. Саида почти ничего не ела. Низко опустив голову, сидела она в стороне. Манаф заботливо протягивал ей хлеб, сыр, куски вяленой баранины.

...Вторую ночь провели в Левашах. Въехали в село не по главной дороге. Арслан считал, что опасность погони ещё не миновала. В Левашах у Арслана оказался старый кунак. Остановились у него.

Третью ночь провели в Цудахаре. Остановились в доме знакомого цудахарца.

– Жена? – спросил хозяин Манафа, глянув на Саиду

– Нет, невеста.

– Какой дурак отпускает девушку с молодым человеком, если она не стала женой.

– Никто не отпускал, я похитил её.

Цудахарец посмотрел пристально на Манафа, потом на Саиду.

После ужина цудахарец исчез. Он вскоре явился с тремя стариками. Один из них оказался муллой. Хозяин сказал Манафу:

– Я знал отца твоего. Он был для меня братом. Ты должен быть достойным своего родителя. Раз ты без ведома близких решился на такой шаг, будь последовательным до конца. Ты хочешь, чтоб эта девушка стала твоей женой?

– Хочу.

Хозяин позвал жену, пошептался с ней. Старушка ушла. Вскоре она вернулась с Саидой.

– Ты по доброй воле согласилась бежать с этим человеком? – спросил старик.

– Да.

– Согласна стать его женой?

Саида кивнула. Хозяин подвёл молодых к мулле. Мулла заставил обоих положить руки на свою ладонь, прочёл длинную молитву по-арабски. Приказал повторить слова молитвы Манафу, затем Саиде. Два седобородых свидетеля тоже прошептали молитву, провели руками по усам, бороде... Брак был закреплён законом шариата.

В тот же вечер хозяин принёс от муллы бумагу на которой стояла печать. Манаф положил на ладонь хозяина золотую монету.

Утром старик со старухой тепло проводили гостей. Цудахар остался позади. Арба въехала в узкий каменный коридор, по скалистым уступам которого вилась дорога над кипящим, стремительным потоком Кази-Кумухской Койсу.

– Арслан, можно начинать веселье, спой нам лучшую песню твоего народа, – попросил Манаф.

Арслан запел голосом скрипучим, как несмазанные колёса его арбы.

– Кунак, ты затянул унылую. А можно весёлую?

Арслан, похлопывая в ладоши, стал петь кумыкские частушки. Смеялись от души все, кроме Саиды.

– Как жаль, что ни зурниста, ни барабанщика нет. Можно было бы сплясать, – пошутил Манаф.

Саида молчала.

– Ты что грустишь, может, жалеешь о случившемся? – спросил у неё Манаф.

Саида не ответила.

– Тогда я спою, – сказал Манаф, беря за руку Саиду.

Вай, далай, далалай,
родные горы!
Чью радость вы скрыли,
чьё тяжкое горе?
Спал ночью спокойно
Сулейман-Хаджи,
Не знал он, что с милым
Саида сбежит.
Рыдала ли горько
родимая мать?
Пытались ли сёстры
тебя разыскать?

Ах, если б имела
седая Катун
Коней кабардинских,
персидский фаэтон
Вдогонку пустилась,
открыла б стрельбу,
В Цакарской теснине
догнала б арбу
Вай, далай, далалай,
родные края,
Везу своё счастье,
от вас не тая.
Смотрите, любуйтесь,
седые хребты,
Пока не запрягал
голубку в Хуты.

Глава третья

В местечке Чанна-Цуку, где разветвляется дорога, ведущая в Кази-Кумух и на тропы к аулам Вицхинского участка, путники остановились. Саида отказалась ехать в Кумух.

– Боюсь, родственники отца и матери уже оповещены, – сказала она.

– Тогда придётся идти отсюда пешком вкруговую, согласна? – спросил Манаф.

– Ничего не остаётся делать.

Так и решили. Манаф с Саидой, взяв еды в дорогу, отправились в Хуты пешком. Арслан должен был довести Джавада с вещами до Кумуха и оттуда вернуться в Шуру.

Манаф расплатился с аробщиком, поблагодарил его.

– Очень жаль, – сказал он, – что по нашим крутым спускам и подъёмам не пройдёт твоя арба. Лучшим кунаком был бы ты на моей свадьбе.

– Я чувствую себя так, словно уже побывал на твоей свадьбе, – ответил Арслан и, пожав руку Манафу, добавил: – Дай Аллах тебе первенца-сына. Пусть милость Всевышнего не обойдёт твой очаг.

В Кази-Кумухе арба Арслана подъехала к большому двухэтажному дому под железной кровлей. Стоял он напротив озера, недалеко от базарной площади. Хозяина дома не оказалось. Жена с приветствиями вышла навстречу Джаваду. Вещи сложили внизу, в прихожей. Аробщик после сытного завтрака в богатом доме распрощался, уехал. Джавад вкратце рассказал о Манафе, предупредив не говорить никому о похищении дочери Сулеймана-Хаджи.

– Во всём воля Аллаха, – сказала хозяйка. – Богатый берёт за деньги, бедный пользуется мужеством и смелостью. Молодец Манаф!

Не задерживаясь в Кумухе, Джавад поспешил домой. От Кумуха до Хуты через отвесный, как стена, перевал Уганих час ходьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.